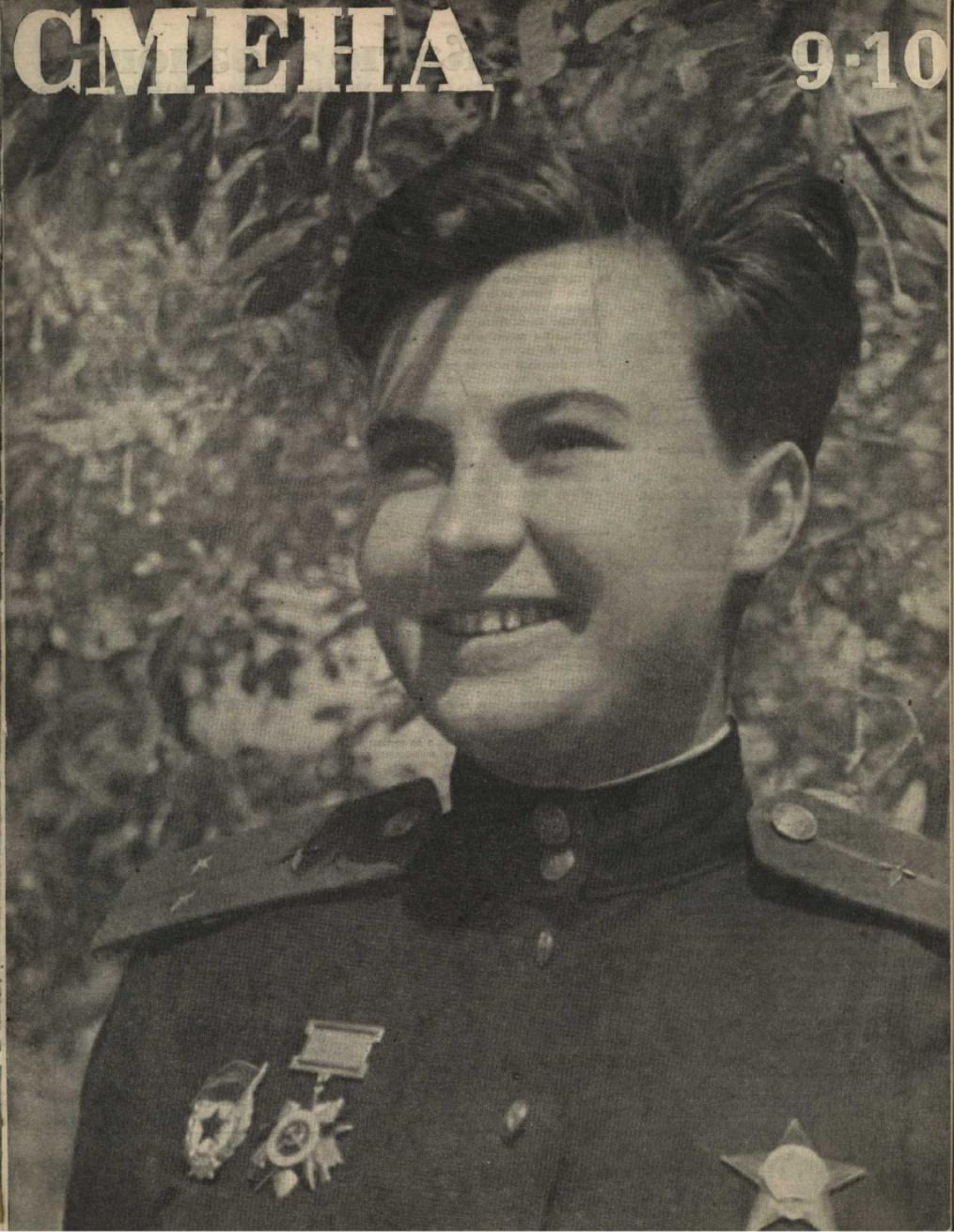

СМЕНА

9-10

Баллада про Катю Козлову

Павел Ангокольский

Товарищи, помните Катю Козлову
Весной в сорок первом году?
Теперь же узнаете, честное слово,
Ту школьницу нашу, девчонку Козлову.
Я, может быть, ходства и сам не найду.
Ещё в этом августе в катиной школе
Пытала советских людей.
Немецкий начальник, гестаповец, что ли,
Устроил свою канцелярию в школе.
И всех он поганые был и злой.
Однажды увидел он Катю Козлову,
Увидел и сразу размаз.

Выном увидал честное слово:
— Мейн мелхен, мейн Гретхен, мейн Кетхен
Козловы!

Субъ шоколад предлагаю коньки.
Но Катя, голубушка, строго держалась,
То спрашивает к бабке в подвал.
То сажей измажется — чистая жалости!
То дурой прикинется. Словом, держалась
Остинчи. А он ей житы не дава.
И в зимнюю ночь комсомолка Козлова
Помыла партизанам одни.
И шёл рассказывал от слез до слова.
И страшно клятвил им Козлова,
Что будет народному делу верна.
Представьте! Землянка. Дверь настожь.

Бегает

Та девушка в снежной ночи.
И смело помоем друльям предлагают.
Печури гудят, и колпаки моргают.
Толкаются вокруг девушки бородачи.
Картошку горячую Катя Козловой
И чай в манжете дает.
— Спасибо за помощь, за добром слово,
За то, что пришла к нам, товарищ Козлова!
— Спасибо, товарищи, вам за прият.
Крепчает мороз. Плохо слится фашистам
В кирничных домах города.
А Катя бежит по скругленым пущистым
В знакомую школу. Но сплитен фашистам.
Для них и дебольская ночь коротка.
Стучится в окно она, с ужасом входит
В ту комната, в собственный класс.
И медленно немец к девочонке подходит
И глаз оловянных с девочки не сводит.
— Терпи. Ты клялась.

Она налила вина ей. С криво усмешкой
Не сворот с лица ей глаг.
И смышился Катя:
— Терпи. Но не мешай.
Смотрят на фашиста с такой же усмешкой.
Но делай, что надо, скорей. Ты клялась.
И чудится Катя, что в комнатах террор
Меж брёвнами щель отыскала.
И вот он на катины мысли ответил:
Как всмыпать в бокал, чтобы тот не заметил,
И быстро к нему передвинуть стакан.
И немец катнулся и зубы оскалил.
Глаза тяжелы как синий.
Всю склерот закапал.
— Что было в бокале?

Анто исправила, вонит:

— Дианкали!

И валился на пол.
И это конец.
Всё конечно. Вот он. Всемотрик же,
Козлова,
Всемотрик, и очини, и беги.
Ты калтув исполняла, вспомнила слово,
Боги, пропади, комсомолка Козлова!
На уланце крик. В коридоре шаги.
И на землю Катя шмынула, и били,
И руки скрутили жутком,
Куда-везли её в автомобиле,
Снимали дознанье и замерзли били,
И, может быть, Катя убий потом.
На этом бы кончить и точку поставить...
Да нет! До конца далеко.
У нас разговор завёл неспроста ведь.
Легко ли в такую минуту оставить Любимку? Право скажу: несложно.
Здесь кто-то сказала, что погибла Козлова,
Что верит Козловой нельзя.
Кто выступить хочет? Кто требует слова?
Уж если попадет к фашистам Козлова,
Потом её светлая память, друзья.
А вдруг в полушибче дубённом, из вьюги,
Румянина, злая, как зверь, —

Не знаю, на севере или на юге, —
Слышит парижанка, подружинка вьюги,
И входит живая скота, в эту дверь...
А вдруг не она, а такая же точно
Ушла неверимой в ту ночь?
Ведь римшт фишак по равине восточной,
Он ищет её иль такую же точно,
Меньшую сестру твою, старшую dochь.
Он римшт с отгэм за Невой и Осколом,
Где гордая девушка та,
И катинных сверстников в домах и по школам
Чернит полицейским своим протоколом,
Дознавными мучает с леной у рта.
А вдруг это правда, что девушка Катя
Ушла неверимой во мгле?
Иль надо землянку в лесу отыскать ей?
Иль бородачи уже встретились с Катей,
С той самой, на той же советской земле?

Вчера мне принес изизвестный товарищ
От Кати два длинных письма.
Он шёл через фронт, мимо чёрных пожарищ,
Сквозь вьюгу. Да здравствует этот товарищ,
И катинны письма, и Катя сама!

Самолёт на базу вернулся!

...Взвесел мотор, и самолёт гардии младшего лейтенанта Носаль и штурмана гардии младшего лейтенанта Кашириной пошёл второй раз за эту ночь на выполнение боевого задания.

Ира и Дуся — романсины: им по двадцати одному году. Может быть, именно поэтому в труднейшем почном полёте девушка весело рассказывает, тут же складывая слова своих песен.

Но вот самолёт над ними, и на головы врага сыплются бомбы. Внизу возникают сильные взрывы. Цели попадают.
Самолёт бьёт землю и садится рядом с креплом возникший оседлительная пластина разогревшегося снаряда. Поты одновременно Каширину ощущает, что самолёт потерпел управление.

— Дуся! Дуся! — кричит она в трубку телефона своему командиру.

Ответа нет. Перегнувшись вперёд, Ира видит беломохом спящую на циготе управляемую подругу.

И штурман сам засел самолёт с мёртвым шлагом к горам. Тело Носаль быстро кочнеет в воздухе и оседает, прижимая руки управления. Ноги Носаль мешают работе педалей.

Самолёт гнет книзу. Сисиус зубы, Каширин приподнимает безжизненное тело подруги, подогревает её обратно к морю и набрасывает ей большую винту.

Зримый рассужок и крахое сердце девушек побеждают. Горы пройдены. Путь к дому, к своему аэродрому открыт.

Точно скажет штурман самолёт на землю. Потом Каширин бросается к кабине пилота; её руки чувствуют мертвую тяжесть подруги.

Вся в ярости, в слезах она идёт на аэродром и докладывает командиру:

— Задание выполнено. Самолёт посыпан за пределами площахи ввиду невозможности

Ирина Каширина.

включить световые сигналы. Лётчик... Дуся Носаль... убита.

Так погибла при исполнении своих служебных обязанностей Герой Советского Союза гардии младший лейтенант Евдокия Носаль. Так вернулся на базу с боевого задания её самолёт, который принял штурман-однодневка гардии младший лейтенант Ирина Каширина.

Это был её 352-й боевой вылет.

Б. Цейтлин

Северокавказский фронт.

На обложке: комсомолка гардии лейтенант Наташа Мекки, бывшая студента второго курса МАИ, совершившая 450 боевых вылетов.
Фото В. Нейлина.

СМЕНА

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 9—10 мая 1943 г.

Год издания XX • Издательство „Правда“

В номере: ПЕРЕДОВАЯ — Патриотизм требует дела. П. АНТОКОЛЬСКИЙ — Баллада про Каго Козлову (стихи). Н. ЧУКОВСКИЙ — Девять братьев (начало романа). В. ДЕМИДОВ — Город будет жить! (альбом художника). Л. СВОБОДА — Путь на родину лежит через бой. НЕБО КУБАНИ (фотоочерк). М. ЛЮШКОВСКИЙ — Вот что знают ветераны СТИХИ МОЛОДЫХ поэтов: А. КУЛЕШОВ — Над братской могилой; С. ГУДЗЕНКО — Украина, Трава; Г. ПОПОВ — Генерал; М. ДУДИН — Романтика; С. КРУШИНСКИЙ — Истоки больших рек; Я. ХЕЛЕМСКИЙ — В дзоте (стихи); К. НЕПОМНИЩИЙ — Растрелят в Кумшатске.

Патриотизм требует дела

Товарищи из Ставропольского крайкома комсомола рассказали нам о Доре Карабут.

Она была тихой и застенчивой девушки. Она была честна и трудолюбива. О ней говорили: «Самая обыкновенная, такая, как все».

Может быть, про Дору так и забыли бы, и, может быть, до сих пор мы ничего не узнали бы о ней, если бы незадолго перед тем, как фронт приблизился к Ставрополю, Дору не избрали заместителем секретаря Сталинского райкома комсомола.

Не громкие речи и не широкая известность были причиной тому, что Дора стала комсомольским руководителем: скромность Доры, её трудолюбие и усердие послужили основанием доверия, которое ей было оказано товарищами. И товарищи Доры не ошиблись в своём выборе.

Когда немцы ворвались в Ставрополь, Дора, сговорившись с несколькими активистами, ушла к партизанам. Она брала в зарослях камышей и в плавнях; она принесла суворость своей партизанской судьбы и осталась такой же скромной и тихой.

Однажды Дора была тяжело ранена. Немцы схватили её, бессильную, истекающую кровью. Они допрашивали её и требовали, чтобы она отвечала; они пытали её, но она молчала. Тогда они расстреляли комсомолку Дору.

Мы не знаем, какими подвигами отмечен путь Доры в партизанском отряде. Быть может, она и не совершила ничего героического, и всё же мы навсегда сохраним в памяти её светлый образ, ибо жизнь Доры — незаметная для многих — была жизнью истинной русской девушки-патриотки.

Слушая рассказ о Доре Карабут, мы невольно вспомнили слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «...история отметила много видов геройства и самоотверженности, но забыла об одном: о геройстве и самоотверженности русской крестьянской женщины. Это — скромное, беспримерное геройство, никогда не прекращающееся, не ослабевающее: ни при первом крике петела, ни при третьем. Это геройство... всегда стоящее на страже и готовое встретить врага».

И мы даже подумали, что именно о Доре было сказано всё это.

Мы снова говорим сегодня о патриотизме потому, что ещё не везде и не всегда у нас понимают, что значит быть патриотом.

Иные думают, что достаточно человеку один раз сделать какое-нибудь полезное дело — и он уже получает право называться высоким именем «патриот». Другие придерживаются совершенно противоположной точки зрения: они увер-

ждают, что патриотом может называться только тот, кто совершил на войне гернический подвиг и кровью обессмертил своё имя.

Кто же прав?

Мы думаем, что и те и другие сужают понятие патриотизма.

Патриотизм — высокое чувство гражданского долга. Истинный патриот — тот, кто вдохновенно любит землю свою русскую; кто в этой вечно молодой горячей любви постоянно черпает силы для полезного дела; кто неизменно печётся о славе родины; кто ненавидит её врагов и готов пожертвовать всем, лишь бы в счастье жила его отчизна. И мало быть только преисполненным одним чувством патриотизма; мало одного декларирования своей преданности родине: патриотизм требует дела!

И того, кто не только на словах, а на деле докажет свою преданность нашему великому знамени, мы громко назовём патриотом.

Советский патриотизм — понятие реальное, ощущимое.

Когда идёт война, нельзя быть простым созерцателем событий. О таких людях М. И. Калинин говорил ещё в первые месяцы войны:

«...среди нас есть, если можно так выразиться, созерцатели. Но ведь сейчас нельзя отдельться только пассивными переживаниями... Сводку послушали, похахали, а сами пальцем не пощевелили для фронта. Такому патриотизму грех цена. Нет, уж ты лучше не нервничай, но сделай всё, что в твоих силах, для фронта, для того, чтобы разбить фашизм».

У нас не должно быть созерцателей.

У нас не должно быть также людей, которые, сделав однажды полезное дело, готовы без конца говорить об этом на каждом перекрёстке, всячески превознося себя и свой патриотизм. Жизнь для фронта, постоянное действие и труд ради победы над врагом должны быть не эпизодом, а ежедневно дописывающейся страницей биографии каждого молодого советского человека.

Коммунистический союз молодёжи носит имя бессмертного Ленина. Великий Ленин учил нас: «Не за страх, а за совесть исполнить все законы о Красной Армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески, помогать Красной Армии всем, чем только может помочь каждый...»

Мы советские патриоты, и мы хотим победить немцев. Мы знаем: победа не придёт сама собой и борьба ещё будет трудной. Но мы не пожалеем ни своих сил, ни самой жизни, чтобы желанный час победы наступил скорее!

ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ

Роман

Глава первая

Николай Чуковский

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Рис. Е. Ракинта

— Бомба никогда не падает два раза в одно и тоже место,— сказал Павлик и вышел в парадную разрушенного дома.

Сирены еще звали в дальнину квартала, но радио на улице уже смолкло, и только утренние синийки дрожали в огненном тиханье. Дом был спасен, и через огромные прорехи в его стенах видно было бледное здешнее небо. Наружная стена еще держалась, но внутри была огромная пустота: Павлик, войдя, почувствовал себя на дне глубокого колодца, и на мгновение остановился.

Высоко над собой видел он широкий проход в крыше. Остатки стажек вились вокруг, как змеи. На этих яруах, как на скалах, расстывались были шкафы, столовы, стулья, крошки, пепки, казалось синий мазеневиной, словно кукульками. На уцелевших простенках, обклеенных разноцветными обоями, шелковые картины; ветер шевелил занавески из забытых окон.

Все эти обжитые вещи, казалось, были только что покинуты своими хозяевами, хотя по углам уютных лежали кукли суконные, костюмы, скатерти.

Когда не было никого, а между тем Павлик был почти уверен, что человек в коричневом пальто и сером картузе спрятал с пистолетом именно в эту парадную. Куда он мог деться? Примя перед Павликом начинялась лестница, странно ущелевшая и страшно вибрировавшая в воздухе. Павлик, подумал, выйдет к лестнице. Черт! И опять же к двери, где ему придется перейти через несколько осыпавшихся груд камней и юстики, но он с легкостью преодолел их — прямой, темнозадый, в синей ватной шапке-ушанке, выданный ему в детском доме, и в коротком пальтище, из которого он так вырос, что оно сидело на нем, как куртка. Добравшись до лестницы, зашагал он по ступенькам.

В это время уже были занятия. Их стук, чистый, проницательный, нарастал, быстро приближался. Немецкие самолеты или, видимо, квартет города. Это был уже второй вылет за утро. Павлик продолжал подниматься. Некоторые ступени лестницы вывалились, образовав щели, сквозь которые видна была пустота. Павлик с трудом перебирался через эти щели, цепляясь руками за обломки, перекинувшиеся на склоне лестницы, и спускался к земле. Он прошел уже три или четыре марша, когда услышал звонкая батарея совсем рядом. Ее громкий лязг казался в пустом доме особенно гулким. Лестница раскачивалась при каждом выстреле. Павлик явственно слышал гул моторов. Он глянул вверх, в проем крыши: но самолетов не видел, и увидел только разрывы в темноте, снарядов, светильники, скрывающиеся в темноте.

По звуку того, как он поднималась, все новые звуки квартара открывались перед ним. И некоторые из них с лестницами нетрудно было переобразить, и Павлик в черепаштальности

озирался, стараясь отгадать, куда мог пойти человек в коричневом пальто, за которым он следил.

Сигнал бомбы он услышал, когда стоял на площадке и ссыпалась через пролом в стене ракета, что лежала на дворе. Сквозь перелетение портальных прозоров он успел заметить только громадные кучи щебня, дохолившие до третьего этажа. Варяги он не слышал, — во всяком случае, потому он никак не мог его вспомнить. Его опрокинуло наизнанку, и он, схватившись за голову, упал на пустую, скользкую площадку. Однако он очень хорошо запомнил, что площадка поддалась кули-то вперед и винт вместе со всей лестничной и кирпичной стеной, к которой она примыкала. Это было движение плавное, но не слишком быстрое, особенно начальное. Павлик продолжал держаться на площадке пока она не стала на ребро и не упала вниз. Тогда стукнуло в дверь, и он окликнулся на кухне щебня и мелко битой штукатурки. Он сделала попытку задерзть, уцепиться, но щебень скользил, шевелился под ним, как живой, и Павлик катился всё ниже и ниже по склону кучи. Потом он сорвался, полетел в пустоту, а темперту и стукнулся об обломок быстрые.

2

Он очнулся, но не сразу открыл глаза. Голова болела: падая, он расшиб себе затылок. Ему спасла ватная шапка, завязанная под подбородком ремешком.

Он открыл глаза. Лежал он на спине в темноте. Впрочем, правда нам было будня узкая щель, шириной в ребро ладони, сквозь которую видно было небо. Свет из щели падал ему на лицо. Он полежал немного, потом сел. Пол был дощатый. Очень белый, затылок. Голове было мутило, его слегка тошнило. Он поискал в темноте прорезь и нашел. Попытался и без труда дотянулся до щели. Тут, наконец, было открытие, сквозь которое он свалился сквозь, в позади. Но отверстие это перекрывала широкая каменная плита, упавшая вслед за ним. Эта плита спасла его: он был бы засыпан и убит кирпичами и известию, если бы она не легла поверх отверстия.

Павлик упирался в плиту руками, но она не шевелилась.

— Нет, здесь выйти нельзя... — услышал он сзади.

Он обернулся. При слабом свете, падающем через щель, он разглядел что-то белое. Девочка, с головы до ног закутанная в большую белый шерстяной платок.

— А где ты... — спросила Павлик.

— Ниже... дальше... — сказала она сквозь плакать. — Раньше и этой щели не было.

— А ты давно здесь?

Она подумала:

— Со шершненного дня... Не знаю...

— Одна?

— Одна. Теперь будем вдвоем. Ты сильно ушибся?

— Но он не отвечал.

— Ты здесь и спала? — спросил он.

— Нет, я спала там, — сказала она и выставила из-под платка руку, махнула кулаком в сторону и темноту. — Там много места. Вонючебузина. Там было тепло. Там еще тепло.

Как же тут?

— А ничего. Хорошо. Тут хорошо. Хочешь измочен?

Она пошмыгала у себя под платком, быстро протянула руку и насыпала Павлину в ладонь измочен, липкого, теплого, согретого ее телом. Гута этого много, — сказала она. — Сколько хочешь. И в сухарях есть. Сколько хочешь. Я тебе покажу.

Измочен был сладкий. Она тоже ела измочен. Они ели измочен и смотрели друг на друга.

— Как тебе зовут? — спросил Павлик.

— Эрина, — сказала она.

— Ты не русская?

— Нет, русская.

— Ты эту дырку залезла? — спросил он, показав измочен.

— Нет, эти дырки не было. Дирака сделала только сейчас, когда упала вторая бомба. Ты ссыпался в дырку, и ее снова застало.

— А как же ты сюда пришла?

— Я пришла через дверь.

— Вчера?

— Вчера.

— А где же эта дверь? — спросила она, показав измочен.

— Какая первая бомба?

— Когда упала измочен.

— Глупости, — сказал Павлик. — Вчера не меч не бомбила. Вчера шёл снег и день был пасмурный.

— Вчера — повторила она упреком.

— Первая бомба упала в этот дом не вчера, а вчера, — сказала она. — Вчера была суббота. Так ты здесь с четырех?

— Может быть.

Он молча смотрел на неё, глядя измоченку за измоченкой.

Наконец спросил:

— Здесь было совсем темно?

— А я пришла и без света... — продолжала она. — Я здесь всё находила. Хочешь, я тебе покажу?

Он пошел за ней в сторону, во мрак. Сначала он кое-как различил белое пятно её платка, но, когда она удалилась от света, исчезло и оно. Он только слышал впереди её голос:

— Сюда, сюда! Не паникуй. Тут нары. Видишь, как хорошо тут устроено: матрасы, одеяла... Правой, правой! Вот тут дверь в

Павлик с трудом перебирался через щели, цепляясь руками за обломки перил.

следующее отделение, где я живу. Куда же тут? Сюда или.

Он шёл за ней опушку, вытапыши впереди руки, спотыкаясь и натыкаясь на камни. Наконец он схватил её за плечи, поднял её на руки. Тогда она с силой оторвалась тяжелую металлическую дверь.

— Здесь гораздо теплее, чувствуешь? — спросила она.

Действительно, в лицо ему дохнуло влажным теплом. Он сделал два шага вперёд, и она закрыла за ним тяжелую дверь. Потом снова сказала ему вперёд, беспрерывно болтая, что он слишком ей голос и знал, куда идти.

— Вот здесь тепло, — сказала она, — потому что это темно. Здесь тоже сырь. Вот тут я и сплю... видимо, она залезла на сырь, потому что голос ей звучал оттуда-то сверху... Ты тоже найдёшь себе хорошее место, тут мест сколько угодно. А по стекам паровое отопление, но оно больше не действует. До первой бомбы здесь было совсем тепло, даже жарко.

— Ты здесь жила до первой бомбы? — спросил Павлик.

— Да, — сказала она.

— Ходила сюда прятаться во время воздушных тревог?

— Нет, жила. Три дня жила. Здесь было хорошо и никто не мог меня найти.

— Я разве тебя искала?

— И искала.

— Почему?

— Я забежала из дома.

— От мамы?

— Нет, не от мамы. Мама моя умерла. В Октябрьские праздники умерла. Мы с мамой в августе уходили из Эстонии и два раза купались.

— Конечно.

— Ну да, купались. Мы шли по морю караном, и немцы бомбили нас. Одна бомба попала, и транспорт наш загорелся. Тогда мы первый раз купались. На нем были спасательные пояса; мы плавали, а «мессеншиты» в час стрелок. Потом нас вытащили на второй транспорт. Но потому что горел транспорт, нам пришлось спасаться. На нем вспыхнула третий транспорт и привезли в Кроэнштадт. Я ничего, а мама заблудилась. В Октябрьские праздники она в госпиталь умерла.

— От кого же ты убежала?

— От дяди.

— У тебя здесь в городе есть дядя?

— Да.

— Он обижал тебя?

— Нет, не обижал.

— Отчего же ты убежала?

— Не знаю.

— Не знаешь? Нет, ты, верно, знаешь.

— Ну, знаю.

— Отчего?

Ей не хотелось отвечать. Она помолчала.

Потом сказала:

— Мне кажется, он немец.

Павлик задумался.

— А как его зовут? — спросил он деловито.

— Василий Степанович.

— Глупости, — сказал он. — Немцы Василием Степановичами не бывают.

3

Ей разговор этот, видимо, не нравился, она скосилась с нара и снова подняла вперёд.

— Здесь был коридор, но его засыпало землей, — услышал он её голос. — Чувствуешь, землю? Раньше там была лестница и дверь на двор, но теперь всё завалено. Иди сюда! — закричала она уже с другого конца. Я тебе покажу, как тут живут. Задесь дверь от запорта, её никак нельзя открыть. Но рядом с дверью камни в стекле раздроблены от бомбы. Сюда, сюда, я тут, дай руку. Видишь, тут можно пролезть через стены, если настичь боком. Осторожно, голову, голову наклони. Мы с тобой в комнатке, в маленькой комнотке. Здесь я нашла имен и сухари. Три мешка сухарей, один из которых купил. Кухни сухари с именами, это очень вкусно.

— Чем это запах? — спросил он, зевая.

— Не знаю, — сказала она. — Это странная комната. Тут есть телефон. Он испорчен. Позвонить нельзя. Можно только слушать. Я слушала.

Она сняла трубку и протянула её Павлику. Павлик приложил трубку к уху. Давай! Гул донесся к нему. И потом он начал различать слова.

— Яструб, Яструб, Яструб! — кричали в трубке. Буря, Буря, Буря, Буря. Яструб слушает. Лейтенант Тараракинский слушает. Лейтенант Тараракинский, Тараракинский...

Павлик отдал трубку Эрис, и она помесила её на рычаг.

— Эрика — не русское имя, — сказала Павлик жуя. Он ед уж четвёртый сухарь.

— Эстонское, — сказала она.

— А ты разве эстонка?

— Я русская. У меня мама — русская, а папа — эстонец.

— А где же твой папа?

— В Эстонии. Он там остался. Он партизан.

Сна сказала это недовольным голосом. Расстроена Павлика сердито ей.

— А ты кто? — спросила она идущую.

— Я? — удивился Павлик.

Он не знал, что ответить. Он никогда не думал, что кто-то им таковой.

— Ну, что ты делаешь? — спросила она.

— Я? Я воюю.

— Воюешь?

— Ловлю ракетников, — объяснил он, понизив голос.

Эрика почтительно умолкла. Она помолчала немного, потом спросила:

— А тебе мама есть?

— Нет. Сестра Люси.

— Большая?

— Большая. Ей уже восемнадцать лет. То есть она не большая, а очень маленькая. Мне тридцать, и я уже больше её.

— Мне тоже тридцать, и я, яичную тебе не имею никакой, — сказала Эрика. — Ты с ней вместе живёшь?

— С Томом? Раньше вместе жили...

— А теперь?

— Теперь она потерялась.

— Потерялась?

— Поехала рвать окону и потерялась. Но от неё все разно толку было мало.

— Почему?

— Она влюбилась.

— Влюбилась?

— В лётчика. Это глупости.

— Глупости, — согласилась Эрика.

Она сняла замок на дверь У Павлика болела голова.

— Здесь слишком темно, — сказал он тоскливо.

— Ничего, я привыкла. Ты тоже привыкнейшь, — сказала Эрика небрежно, как так всё едь суммы про дверь и про лётчика. — У меня дворянский брат — лётчик. Его зовут Леша. Тебя он уже давно не видел. Я его видела ещё перед тем, как мы уехали в Эстонию, — сказала Эрика. — Ты знаешь, он, конечно, знаменитый лётчик, только я не знаю, где он. Когда мама лежала в госпитале, она хотела, чтобы Леша взял меня к себе, а вон не дядя. Мама написала Леше письмо, но оно, наверно, не дошло... А где ты теперь живёшь? — спросила она внезапно.

— В детском доме. Я там не живу. Я там почту и ем. Там стали совсем мало хлеба давать.

— А суп дают?

— Суп — одни воды, — сказал Павлик.

— Так есть. Есть сухари. Отчего ты неешь?

— Я больше не хочу. Я пить хочу. Пойдём отсюда. Здесь совсем темно.

Его тошило от приторного измора, которого он съел очень много. Его тошило, ему было скверно. Тело уставило.

— Пойдём отсюда, — повторил он.

Она вышла из его комнаты с телефоном, подвела к краю и дала спасибо. Затем она опять влезла на нара и предложила ему выбрать себе место для спанья. Но он раздражённо отказался. Его сердце, что она считала, что «едесь хороши». Ему здесь было скверно. Он с отвращением вышел в коридор. В комнате было тоже темно, а темнота угнетала

— Нет, здесь выйти нельзя, — услышала он сзади.

его. Он сам накинул дверь и вышел в коридор, где была щелька на дверь.

Теперь же ему показалось, что здесь совсем светло. Он остановился под самой щелью, дыша сухим, морозным воздухом. Еще раз надавил на плиту, закрывшую второе отверстие, и едва раз убедился, что она совсем не поддаётся.

Сказывалось щель было видно члены небо. Видно в небе он заметил самолёт. Истребитель. Самолёт был белым, с красной полосой на хвосте, скользя, белая и глядя, как небо. Когда Рабушкин, отодвинувшись от себя до предела руки штурвали, с высоты трех тысяч метров пиревал почти вертикально на город. Нева казалась ему стеблем большого цветка, огромные розы снежными многоцветными лепестками, когда, заливаясь, почти раздавленный скользостью, падавший он над краем города. И самолёт, скользя, вспыхивал в зоре, в течение мгновения толпы людей, заполнивших улицы, видел даже обращенные к нему лица их, дружелюбные и доверчивые, и всяческое чувство блаженства и благодарности к этому незнакомому городу наполняло его.

Он любил летать; ощущение счастья и свободы никогда не покидало его в полете. Но сегодня к ощущению счастья присоединялся

ГЛАВА ВТОРАЯ РЯБУШКИН СОВЕРШАЕТ ОШИБКУ

А лётчика, самого которого Павлик видел сквозь щель из подвала, звал Илья Рабушкин. Ему было двадцать лет, был инструктором, и Рабушкин, когда Павлик ему рассказывал ему о наслаждении. Ему казалось, что его мания сегодня как-то особенно ему подходит, и он с удовольствием закладывал кругие выражения, заставляя подниматься к небу то один край лежавшего под ним города, то другой.

Рабушкин любил летать. Не так уж

ощущение тревоги, недовольство собой. Сего-
дня получилось, как-то несложно. Дело в
том, что я летел, он очень скоро растерял
себя, тащил.

Они здорово держались на аэродроме — Ко-
стин, Каракин и Рабушкин. Костин был
командир звена. Когда вились липы над
рекой — присказка дежурному звену взлететь...
У Рабушкина не сразу запустился мотор. Он
на цепь полторы минуты висел, и я тоже
тоже, говорил и засмеялся, что сажусь в него
другом. Он вспомнил, что вспомнил, быстрее пристроился к нему, и пошёл вместе с ними, но чувствовал себя
излишним, а от этого всё и случалось. Они
шли к городу, и уже видели впереди, над
городом, разрывы земляных спиралей. Вдруг
Рабушкин спрыгнул и значительно выше себя
ушел, как «мессесхитт». Они проходили
довольно далеко, и было видно, что земля
была разрушена, размыта в плотном тумане. Ра-
бушкин был уверен, что Костин сейчас раз-
вернётся и пошёл в их атаку на «мессес-
хитт». Рабушкин испомнил, как Костин
любят повторять: «Я не жду, когда на меня
нападут, я сам нападу на них». Желая ис-
кусить свою вину, желая показать свою ли-
хость и удачу, Рабушкин сразу спрыгнул к
«мессесхитту».

Он успел набрать высоту, карабкался
вверх, нагорячку мотор до предела. Но оче-
ртания «мессесхитта» становились всё более
неясными, различимыми и скоро исчезли со-
всем. Рабушкин выбросил ещё выше, свиреп-
уя право, свирепуя лево, но обнажить их ему
не удалось. Они без следа растали в золотой
дымке. Мало того: он понял, что потерял сво-
их товарищей.

Куда могли деться Костин и Каракин?

Тогда сейчас Рабушкин, к огорчению свое-

му, понимал, что командир звена Костин во-
все не отдадут ему приказания атаковать
«мессесхитт». Рабушкин пошёл в атаку
самовольно, оставил своего командира. Это
был уже второй его пропуск, а одни подобные
пропуски несравненно болезненнее техничес-
ки, потому что из-за того, что мало не запускали
с мотором, он, со сущности, был неинициативен.

Техники разглядывали только одно — найти Ко-
стин и Каракина во что бы то ни стало.

Чуть только разница замершего моря потя-
нулась под ноги, как — спрашивай, на северозападе,
он заметил самолёт. Он сразу угадал, что это
за самолёт, и даже не спытался кинуть
бомбу, едва ли не с туманом, вспыхнувшим
по воздуху, ибо это было по какой-то причине,
не раскрылось, а угадал чутьём. Это был «Юн-
керс-88». Рабушкин сразу развернулся и по-
шёл к «юнкерсу». «Юнкерс» стремительно вы-
растал перед ним, выплывая из тумана. Он
шёл на «юнкерса», Финляндия, собираясь
протянуть между Кронштадтом и Петербургом

Рабушкин мчался к «юнкерсу», а сзади Ра-
бушкин был подстильное мороженое солнце,
и в это солнца было неиздимо его са-
молёт. «Юнкерс» шёл несколько ниже Ра-
бушкина, и Рабушкин мчался, синжался и набирал
скорость. В стёльниками прицелился — Рабушкин
уже смотрел на «юнкерс» через пристрой — он
занимал всё больше и больше места. Тоже
бы удерзительность, только более изощрённой.
Но «юнкерс» летел быстрее, раньше времени
поднялся на «юнкерс»: начал тя-
жело и поспешно спускаться вправо. Пора!

Рабушкин успел. Он попытал его очередь
сбрасывать в четыреста метров. «Юн-
керс» стал креинять на леную плоскость.
Из левого его мотора высыпалась чёрный дым.
Рабушкин разбил «юнкерс» левым мотором
и понимал это. Но «юнкерс» мчел или нет на
одном моторе. Он вспомнил, что моторы не про-
порот, и Рабушкин видел перед собой не «юн-
керс», а сплошь огненных брызг, бледных при
солнечном свете, но все же хороши различимых.
Верхний стрелок с «юнкерса» был прямо
по Рабушкину траассирующими пулями, и Ра-
бушкин круто свинчиваши, чтобы вывернуться
из-под пулёмётной струи.

Он отпертым глазом пошёл на «юнкерс»
справа с со стороны солнца. Солнце сно-
ва стало его союзником. Стрелок с «юнкерса»
был наугад, ослепленный. Рабушкин шёл при-
чём на «юнкерс» и стрелял. Пулемёт на «юн-
керсе» умолкли вспомогательно: Рабушкин убил верх-
него стрелка.

Он убил верхнего стрелка, но «юнкерс» про-

стался уже пойдти: спрыгнул тяжёлая рожка
дуга берега у Сестрорецка. Вода сплю-
щенная-пропаханая солиной дымку уж можно было
различить голубую, словно плавающую в лебе-
юю полоску берега, занятого финами. Там «юн-
керс» может сесть. Рабушкин осталось две-
три минуты.

Нижний стрелок, вместе с пулемётом ле-
жащий в лаззере, прикреплённой снизу к фюзеляжу, был убит, но не Рабушкин. Ра-
бушкин попал в атаку на никого стрелка. Он перебил крепления, на которых держалась
полынья с пулемётом, — она оторвалась от
«юнкерса» и упала.

Нижний стрелок замолк, но «юнкерс» про-
должал идти.

Эта живущая проклятого «юнкерса» выво-
дилась из-под крыла из себя. Он поклонился на
нее синим обоям, поклонился ей, и она
была бы разрушена, и спряталась в ущелье. Он пробил
«юнкерса» брюхо, и оттуда послышались потроха:
какие-то бидоны, палки, щепки и большая
резиновая шапочка, чёрная, с крестами по
бокам. Но «юнкерс» продолжал идти и с рас-
протянутым брюхом.

Он атаковал его сбоку и прошёл длинной
цепью из осколков мотора до хвоста. Возможно, он
застрял в аттракции или перебил второй мотор:
«юнкерс» здруг спустя час и, медленно кру-
тился, пока не упал.

Рабушкин был так разгорячён боем и так
взволнован своей победой, что совсем забыл о Костине. Он лёгся к городу, и горящий
«юнкерс» стоял перед его глазами, как виде-
ние. Но когда он вспомнил, что Костин не
может быть виноват в том, что это было
запущено ими в воздух, вокруг был
пустынью — ни одного самолёта. И Ра-
бушкин понял, что Костин искаже уже безнадёжно, что Костин, безусловно, давно уже на аэро-
дроме и что он, Рабушкин, виноват и винил
этот уж не вспомнишь.

Горячее подходит к концу, и ему остави-
лось только одно — подняться на аэродром. Но
тогда он не мог бы без бешено вспыхнуть, и
на аэродром это не тянуло. Он несколько
уклонился от прямого пути и пошёл вдоль
Невы до изумруди, на которой на левом берегу
начинались позмини немецких. Вид фронта
всегда привлекал его. Но и на этот раз на оби-
гора берега замершими реки было тихо. Синяя
самая землистые укрепления, склоняясь к
воде, не вспыхнули. На них, тихо было бы
всего, сидел кто-то зелёный, кто-то из
армии, зарытые в солому. Даже артиллерия
на этот раз молчала. Только заметил самолёт
Рабушкина, немецкие занятия были несколько
вальх залютов. Но Рабушкин сразу набрал вы-
соту, отвернулся и пошёл направо к Ладож-
скому озеру.

Оно замерло. Ладожское озеро замерло
уже полтора месяца, и пока оно замерло,
через него нельзя было ни перейти, ни пере-
ехать. Пока оно замерло, колыко зокрут
осаждённого гигантского города было полным,
непроходимым, так как путь, соединявший го-

род с остальной страной, мог пролегать только
через озеро. Жители города уже съели всё
всё, что у них было запасено, и без этого путь
город, когда озеро замерло, удастся ли прократить
город, когда озеро замерло, удастся ли от-
стоять единственным, последним путём, — это
Рабушкин не знал, этого не знал никто; но
сейчас нужно было, чтобы озеро замерло.

А дальше синий путь, как и синий восто-
чно-западный путь, над деревней. Ли-
саня вершина холма торчала над лесом. На
самой вершине в оваций туда и чёрной краснофлотской шапке стоял наблюдатель, об-
дуваемый ветром, с биноклем и автоматом. Ра-
бушкин, сбрасывая газ, пролетел над ним в
нескольких метрах и увидел деревню, об-
лицованную ветром, из-под деревень, окай-
млённое лесом, деревенское изба, превращенное
в аэродромом хруст, пошёл на посадку.

Посадку он совершил великолепно. К нему
подбежал техник и помог ему вылезти из са-
молёта. Рабушкин сразу заметил, что само-
лёт Костин и Каракина на аэродром не пет.
А самолёт Костин и Каракина на аэродром не пет.
Неужели с ними что-нибудь случилось? Что случилось?
Но почему же они не приземлились? Он не мог
додумать этой мысли до конца? такой
страшной она ему показалась. Он хотел спро-
сить техника об этом, но не решился. Техник
был гораздо старше Ра-
бушкина, гораздо опытнее.
Радиоприёмник был его подчиненным.
Радиоприёмник был самим командиром по всем эска-
рдиями и в то же время был его подчиненным.
Радиоприёмник был самим командиром по всем эска-
рдиями и в то же время был его подчиненным.

Рабушкин поднял очки, развязал тесёмки
шлема. Лицо у него было курносое, круглое,
веснушчатое. Примесистый, как в своем сне,
подходит ватой комбинезон, казалось грунзом
и нечистью. На нем не было молнии
и не было пуговиц на пальцах. Ра-
бушкин сидел в чёрной, сумрачной коридоре, в конце ко-
ридора он толкнул вездевую во мраке обтуру
войлоком дверь, которая была так мила, что даже ему, при небольшом его росте, принеслась
нагнуться, чтобы войти.

Земляни команда пункта засыпала взвин-
тавшим, сорвавшим поток, что в ведро было цепах
три коминки. Слезы от Ра-
бушкина, за дешёвой перегородкой в крохотной комашинке, запол-
ненной телефонами, помешались «оперативный
дежурный», громкий голос которого постоянно
заполнял всю землянку, а спраш, за ширью,
была комната команда и коминки эска-
рдиями.

Но что же, Ра-
бушкин, входи, входи, —
 услышал он знакомый голос.

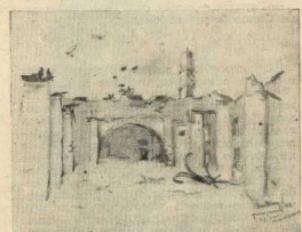
«Батя здесь! — подумал Ра-
бушкин. Батя
лечники называли капитана Рассохина — кома-
дира эскадрильи. «Ну чё разно?». Он шагнул
и остановился в дверях.

(Продолжение следует)

Город будет жить!

Больше трёх месяцев пробыл худож-
ник Виталий Демидов на Воронежском
фронт. Он видел страшные раны, напе-
ченные Воронежем отступающим врагом:
извораченные здания, сплющенные рощи,
сожжённые кварталы. Он видел, как
возвращаются жители в освобождённый
город,埠усы за лопаты и мотыги.

Возвращенный к жизни Воронеж ме-
няется с каждым днём, и карандаш
художника едва поспевал за бегом
жизни. В этом номере «Смены» мы
дадим несколько зарисовок из походного
альбома В. Демидова.

Улица Чайновского. Вот что осталось от здания
Воронежской филармонии. Трудно узрать в этих
разорванных каменных глыбах, причудливое изог-
нутые рельсы в балках очертания прекрасного
зрительного зала.

Путь на родину лежит через бой

Беседа полковника Л. Слободы, командира чехословацкой воинской части в СССР, с корреспондентом «Смены»

В памяти всего человечества долго будет жить трагедия маленькой чешской деревни Лидач, на чисто сметанной с лица земли, но не покорённой Гитлером. Гордое сердце великого чешского патриота Яна Гуса было в груди каждого горячка Лидач. Сказанные ещё в далёком времени средневековья слова Гуса «Правда побеждёт» до сих пор живы. Их повторил каждый для чехов и словаков и поколением солдат голову перед немецко-фашистскими оккупантами. Эти слова выгравированы и на знамени нашей части.

Только месть может быть единственным ответом на все злодействия немцев, порабощавших Чехословакию. Поэтому чешская и словакская молодёжь всегда мечтала о соединении под бородой Армии Красной против нашего общего арага — германского. И это было успешно сформировано добровольческая часть из чехов и словаков, проявивших на территории СССР, то, оказалось, что она почти полностью состоит из молодых сынов свободолюбивой Чехословакии.

О том, как ведёт себя эта молодёжь на советско-германском фронте, свидетельствует подвиг надпоручника Отокара Яроша.

Противник наступал. Наша часть получила задачу атаковать позиции гвардейской советской части, оставившей преграду на реке Роне. Форпостом на западном берегу служило село. Оборону его я и поручил Отокару Ярошу.

Первый этап французских танков был огнём, аэро-воздух всё-таки удалось прорвать нашу оборону. Село запыпало. Единственный острогутый зданием оказалась школа. Вокруг неё Отокар Ярош приказал занять круговую оборону. Как разъёранные пльзы, дрались наши бойцы с танками и автоматчиками арага. А когда стемнело, Ярош взвал меня к прозору:

— Танки со всех сторон блокируют школу. Я ответил:

— Стоите на жизнь и на смерть!

И она стояла на жизнь и на смерть. Раненый в голову, Отокар расстрелял немцев из автомата. Рана пробила ему грудь.

— Вперед, за свободную Чехию! — кричал он, теряя силы. Кровь хлынула горлом. Отокар бросился вперёд и погиб под гусеницами вражеского танка.

Рассказывая о подвиге молодого надпоручника, я всегда вспоминаю: немцы хоронятчат на-

шей родине. Они разгромили старейший Пражский университет, уничтожили гимназии и консерватории культуры. Наша бебечка-хоронятчата разрушила дома и школы. Тысячи сверстников Отокара Яроша томятся в тюрьмах, угнаны на фашистскую катару. За всё это отомстил враг Ярошу. За всё это мстят цемлям и его молодые друзья.

В одном из боёв, когда наши пулемётчики южночешским огнём сдерживали наступление противника и устанавливали немецкими трупами улицы села, из строя выбыл расчёт противотанкового ружья. Немедленно ружью я бы заместил Яроша. Но Яроша, Лома, Яна Гуса, дрались на него. Потом был изобретён подвиг Яроши, который раздавал героям. А из-за разрывов стены всё летели и летели наши смертные пули. Вот упал один немец, за ним — другой, третий. Семь немецких автоматчиков нашли смерть только под ружьем ефрейтора Иосифа Черны. Когда приближался вражеский транспортёр, противотанковая граната Черны настигла ещё трижды немцев. Бой продолжался, и каждый из нас был поклонену на своём посту.

Советское правительство по достоинству оценило доблесть юношей, о которых и только что рассказывал я. Поэтому им вручено воинское звание Героя Советского Союза, высшее орденом Ленина и медалью «Золотая звезда» было присвоено надпоручику Отокару Ярошу. Орденом Красного знамени награждены Яроша, Лом, Иосиф Черны и другие.

А наши девушки! В мороз и мороз, в длительных маршиах и тяжёлых боевых условиях они ни на шаг не отставали от мужчин, ни на секунду не теряли бодрости духа. В прошлом студента, салютующего любителям родителей, учительницы юной Прасковьи Братиславы, шумного Брико, она сейчас показывает, что значит усталость и норма. Единственное их желание — беспомощно истребить немцев, спасти жизнь чехословаков и советским боям.

Однажды немцы обнаружили, где находятся наши командный пункт, и он был немедленно перенесён в другое место. На первом линии, у старого коммутатора, осталась лишь одна телепоинка — Багеллера.

Артиллерийский оскал, пикирующие самолёты, минёй — всё это мгновенно обрушивалось на место, где находилась Багеллера, но попрежнему спокойно и звонко был её голос. Можно с уверенностью сказать, что девушка не умерла, она только убежала. Странную картину разрушения представляла собой группа налетевших на неё бывший командный пункт. А Багеллера, покривившись, сдала у коммутатора.

В нашей части есть вони — Мария Ляковская. На её груди спрятал советский орден Красной звезды. Я помню, как, готовясь наступать, командир сказал Ляковой:

— Останьтесь!

— Не могу, — ответила Мария, — не могу. Я должна быть с вами.

И она первая прорвалась к населённому пункту и в бою сразила четырёх вражеских автоматчиков.

Медалью «За отвагу» награждены наши обиные любимицы — Птачкова и Пильцов. Я не раз видел Анну Птачкову в бою. Однажды непрятель

открыл по нашей и соседней российской части сильный миномётный огонь. Кто-то крикнул: «Самые смелые!» И Анна Птачкова, как птица, канула в зону. Не обращая никакого внимания на опасность, она оттащила в укрытие двух русских танкистов, оказавшись на поле боя. В этот вечер мы позвонили командиру советской танковой бригады и просили передать благодарность Птачковой, спасшей жизни его подчинённым.

Немало раненых вынесла из-под аражского огня и Мария Пильцова. Сама она была тоже ранена и, находясь в госпитале, неизвестно сколько, участвовала в боях на фронте. Сейчас единственное, о чём соколится Пильцова, — это то, что лично ей не удалось увидеть своего немецкого врага. Мария Пильцова вступила в Лидице и захватила, раздавленную фашистским самолётом Прагу, а также своих сверстников, томившихся под лютой немецких оккупантов.

Мы идём в бой и поём песню:

«Да здравствует Чехия и Словакия,
Да здравствует Прага и Москва!
Где бы мы не находились, германцы,
Мы вас израсходуем на излечение,
Мы за землю до самого Берлина
С пушечными пойдём!»

Мы идём в бой и воскликнём: «Правда побеждёт!» В это глубоко верят каждый воин и командир чехословацкой части. Снова поднимает голову свободная и прекрасная родина национально-чехословацкая. Но каждый из нас знает, что путь в родину лежит через южночешский бой с пражским фронтом. И мы счастливы, что участвуем в этом бою.

Любовь к Родине

Во время наступления на город Багеллера, командир сказал Ляковой:

— Останьтесь!

— Не могу, — ответила Мария, — не могу. Я должна быть с вами.

И она первая прорвалась к населённому пункту и в бою сразила четырёх вражеских автоматчиков.

Медалью «За отвагу» награждены наши обиные любимицы — Птачкова и Пильцов. Я не раз видел Анну Птачкову в бою. Однажды непрятель

— Танки со всех сторон блокируют школу. Я ответил:

— Стоите на жизнь и на смерть!

И она стояла на жизнь и на смерть. Раненый в голову, Отокар расстрелял немцев из автомата. Рана пробила ему грудь.

— Вперед, за свободную Чехию! — кричал он, теряя силы. Кровь хлынула горлом. Отокар бросился вперёд и погиб под гусеницами вражеского танка.

Рассказывая о подвиге молодого надпоручника, я всегда вспоминаю: немцы хоронятчат на-

— Танки со всех сторон блокируют школу. Я ответил:

— Стоите на жизнь и на смерть!

И она стояла на жизнь и на смерть. Раненый в голову, Отокар расстрелял немцев из автомата. Рана пробила ему грудь.

— Вперед, за свободную Чехию! — кричал он, теряя силы. Кровь хлынула горлом. Отокар бросился вперёд и погиб под гусеницами вражеского танка.

Рассказывая о подвиге молодого надпоручника, я всегда вспоминаю: немцы хоронятчат на-

Аппарат установлен. Сейчас молодой телефонист Курт Маркович передаст приказ командиру на батарею (снимок впереди). На левом снимке — его боевая подруга, ефрейтор снайпер Мария Пильцова.

1. «Кто сказал, что летать — не женское дело?» Эти слова, как лозунг и шутливую угрозу, часто повторяет гвардии лейтенант Наташа Мекли, всеобщая любимица и позитесса, своим боевым подругам — лётчицам, штурманам, техникам. В теплые кубанские ночи на верных «утючках» — лёгких бомбардировщиках «У-2» — эти девушки несут к логову врага винтовку в авиабомбомет смерти.

↑ ...Только что гвардии старший лейтенант Аня Еленчина (на снимке справа) вернулась с разведки. Она доложивает о полёте гвардии старшему лейтенанту Ракобольской, неизменно заканчивая каждую фразу любимым словечком «точно».

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК-БОЙЦОВ

Вас. Лебедев-Кумач

Что ж, товарищи девчата,
Воевать, так воевать!
Нам от друга и от брата
Не годится отставать.

Руки крепки, сердце смело,
Меток наши лукавый глаз.
Трудно воинского дела,
А привыкнем — а самый раз!

И самкала и сноровка —
Всё у нас, подруги, есть.
Бей, зенитка, бей, винтовка,
Постоим за нашу честь!

Постоим за дом любимый,
Где родились я и ты,
За простор земли родимой,
За любовь и за мечты.

Пусть, кто любит нас, услышит,
Как мы смело ходим в бой,
Пусть он с гордостью напишет:
«Здравствуй, милая, герой!»

Пусть и дети и внучата
Будут песни распевать,
Как ходили мы, девчата,
Против немца воевать!

2. ...А самолёт разведчицы, пока она докладывает о своих наблюдениях, уже готовится к боевому полёту. Проверки бомбодержателя, сейчас будут подвешены фугаски.

5. Ред
вичных
дши лей
щая сое

3. Это люди чистых рук и придирчивых глаз. Ни один самолёт не подымется со старовой дорожки, если его перед полётом тщательно не осмотрят гвардии техник-лейтенант Зина Радина, гвардии техник-лейтенант Дуся Коротченко и гвардии старшина Шура Попова (слева направо).

кий отдык — время прогулок, звонких песен и секретов. О чём шепчет штурман Женя Руднева гвардии ентузиастке Наташе Меклин, сказать трудно. Даже сидя рядом капитан Карпунин не знает этого.

Фото Б. Цейглина

→
4. — Заслужила — на-
си, — говорит гвардия
майор Евдокия Бершан-
ская гвардии младшему
лейтенанту Анастасии Поп-
овой, прикрепляя орден
Отечественной войны II
степени на гимнастёрке
отважной лётчицы.

— Служу Советскому
Союзу! — следует крат-
кий ответ.

→
б. Хорошо по ве-
черам в кубанской
степи! Хорошо, по-
тому что разрешён
вылет, потому что
через минуту ровно
застучит мотор, по-
тому что скоро на
сигнальных голо-
ворезах обрушится
смертоносный груз.

НАД БРАТСКОЙ МОГИЛОЙ

А. Кулешов

Там,
На северозападе,
Есть деревушка Ложинки,
Как у нас в Беларуси,
Там и норы растут
И рябины.

Там калеки-люди.
Потрясённые бомбой фугасной,
Там юнцы-блодорусы,
Что головы частно сложили,
Наша сабы стыдятся
Суровых зиников и касок
Над могилой братской
За русской деревней — Ложинки.

Мы не плачим,
Хоть плачим,
Что не честно останки героя
Мы хороним,
А большее что-то
Засыпаем землей сырью.
Засыпаем глаза мы и губы,
Что трепетно живы,
На которых еще поцелуй детей
Но остыли.

Хотя признаем,
Как сыновья,
С материнской лаской
И гордостью
Песок их,
Но прощай, просят глаза
Полесской земли
Хотя горючую.

Только где ее взять?
Весь Беларусь покидали,
В путь-дорогу с собою они
Мешочки с землей
Не брали...

Что это горстки земли той?
Ты нас им, отчаянья, желания?
А на бородинском мешке
Уместить не влез
Некозможно...
Попробуй в лореле забрать
Те рощи, поля и криницы,
Те пущи, что смогут еще
Лишь в сердце твоё уместиться
Твой простор перед нами лежит,
Но когда они меньших просторов
Лучше бородинским поясом
Покрыть глаза,
Чем маленькой горячкой
Жить...

...Беларусь, моя родина!
Как я рузы еще раз
Все пешком тебе измеряй,
Весь твой и чебрец и вереск.
Словно прошает большого пути,
Чтоб твой, бескрайнико,
Иди.
Хочу наглатать я ветра
И упреснин синих туманов,
Хочу наглатать
За себя и за тех,
Что большие уже
Не вспенут.
Ибо прошает
Им лазурь твой
Не сквасят.

Мы дружи с засыпаем землей, —
Ленинградцы, татары, узбеки, —
Киргизы,
Наша белорусская реки
Мы колышимся!
Мы слакоть отдай,
Мы не плачим —
Кручинка безгласна.
Наша сабы стыдятся
Суровых зиников и касок...

Перевод с белорусского
Николай Берендеев

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЕТЕРАН!

Подполковник М. Люцковский

Хранителями героических традиций в русской армии всегда были старые опытные солдаты, передававшие молодым своих наставки, сиоровку и поддерживавшие честь своего полка, под знаменем которого они сражались долгое время. Опытность и сподвижничество старых ветеранов часто помогали в тяжелых боях, обретая уверенность, не побаивающих еще в браженных солдатах.

Ознаками во время 1806—1807 годов, заметив обходной маневр противника, молодой офицер, сгорячий от своей роты из отдельной позиции, вскочил, громко сказал: «Мы окружены!» «Ну что, проблемы?» — также громко отвечал старый солдат, стоявший у ружья, и смотрел на этого бывшего ободрил офицера, и несмотря на окружение, рота штыками пробилась к своим.

Опыт старого солдата, его спокойствие внесли уверенность в благополучном исходе боя и подняли национальное патриотическое возрождение.

Русские полки всегда гордились старослужащими солдатами, украшенными боевыми наградами. Народ уважал их, с почтением обращаясь к героям, называя их «служивыми» или «казаками».

Суворов, воспитывавший солдат, помнил тех, кто был храбр, давно служил в полках, и не только знал их по имени, отчеству, но и сам давал и присваивал каждому солдату имена своих друзей жизни. Подъехав как-то по дороге в Польшу к Азовскому пехотному полку, Суворов сказала комендиру роты Харалампу: «А что, Федор, где Минск, Огонь-Огнёв, где Сокол, где Орёл?» — «Здесь», — ответил Хараламов и позвал их.

«Здравия желаем, отец наш Александр Васильевич» — сказали гренадеры, выступившие вперед. «Здравия, братцы. Вы боеваты! Всёра в боях, как вы бы быстро, славно кололи врагов. Помни-луй, что, значит, храброй! один на десятёрых! Ты, Михаил, будь Огонь-Огнёв, а ты (обращаясь к Воронову) — Сокол, а ты (Голубцову) — Орёл!»

Суворов никогда не проигрывал опытом старых солдат. Он говорил, что полезно спрашивать у старослужащих, под чьим начальством они хотят заслужить: они не ошибаются в своих начальниках.

Однажды надо было отрядиться для нападения на пропавшего для бегства Суворов подоспал одному из служивых спросить за помощью. Старые солдаты не хотели портить. Все писалим фильмом одного и того же офицера, несмотря на то что в полку были люди и старше его по службе и, казалось, по опыту. Суворов испытывал желание старых солдат, и дело увенчалось успехом.

Как часто опыт старых солдат помогал в самых трудных случаях, видно из такого примера. В сражении при Денинице, в 1813 году, в казахской атаке участвовала штаб-трубач Елизаветинского гусарского полка Ермаков. Колонна пропалившая была изрублена, а гусары, гонимые врагом, Елизаветинский полк, который из славы. Виноват Ермаков заметил, что в пане, в дыму скрывают сабли, мелькают супоры и муздыры французской казахской конницы. Они шли с тем, чтобы, пользуясь обычным беспринципием после атаки, скрыться и спасти Елизаветинский полк. Старый солдат, разведав, что виноват Ермаков, вышел на стражи, он затрубил сигнал сбора, собрал и построил присоединившихся к нему гусар, выхватил саблю, занеснул трубу за спину и крикнул: «За меня! — за атаку!». Собравшись гусары, атакуя, в колонне врага, ворвались за ворота и вышибли Ермакова. Они задержали продвижение противника и тем самым позвоили командиру полка, собрав оставшиеся эскадроны, отразить наступление французов.

Старые солдаты были обычным явлением на поле сражения воинского долга и присяги. Так как в 1810 году враги захватили в плен солдат 1-й артиллерийской бригады Агafона Никитина. Обладая не склонностью пройденными пушками, взятыми в плен у наших волей, противник хотел заставить Никитина показать, как нужно пользоваться ими. Никитин насторожился, отказался выполнить это требование. Тогда враги схватили его за пальцы. Никитин молча выносил это издевательство и снова отказался учить стрелять из русской пушки. Озабоченные враги связали Никитина, раздули его и положили ногами на горячий угли, пока сэр. Офицер выдергал из тулы пытку. Никонец слабоились, враги содрали со спины Никитина всю кожу и постепенно отрубили ему пальцы, а затем и голову. Старый солдат геройски вынес все мукиния, но не изменил присяги. Он умер, верный до конца воинскому долгу. О его смерти враги были обязаны в письме во всей армии.

Х жестоких боях с неизвестными, которые мы видели, опыт старых солдат проявлявших перспективу миропорядка и гражданской войны, особенно ценен для молодежи. Старые солдаты, воспитанные боевыми традициями, являются как бы живыми эпическими напоминаниями о славном прошлом.

Старые солдаты не ментируют, скрывают, превращают его в боевую сильму, которая не боится никаких вызовов и перенесёт любое испытание. Вот почему мы говорим молодым воинам: «Служите и берегите старого солдата!»

УКРАИНА

С. Гудзенко. Рис. В. Цельмера.

Я до войны покинул этот край.
Привенци...

И мне тогда казалось:
наши южные говоры,
наши балкарный грай
кончиваются за киевским вокзалом.

Вчера пришёл из Киева земляк.
Он обогнал на площади Богдана
немецкой кровью

дедовский тесак
старинного поэтского чекана.

Он рассказал,
что немцы
на кресты
срубили там овации и клёны.

...Как далеко ленивые плоты
и газонный говор плющиков!

Мы ночь прогуливали по Днепру,
о пристанях до самого Херсона.
И кругом припомнили на заре
и голосом торжественным и солнечным,

Встают косматые откосы,
Обрыны каменной земли.
Чернобородые матросы
Из бухт выводят корабли.

В руках мелькают карабины,
Багры и крохоты ходят в раж.
Дубовый корпус бригантин
Охватывает бордюры.

Кругой романтика наследство!
В морской простор от пыльных книг
Упрямко выпирнувший с детства
Привносит на крылатый бриг.

И снова гордый флаг державы
Недосыпаемые мысох.
Крустят на побережье рожаный,
Волной залитый песок.

Я жил там год...
там степь и самосад.
И, канапка от горных самокруток,
мальчишки удивлены:
— вонят
шелка языком, ними,
сокращенные круто.

Землик собрался.
«Знают, через день
я сплю в Киеве.
Что сказать Богдану?»
Землице,
викоцда, скажи:
— житьде
я молить за Украину не устану.

Г е н е р а л

Г. Попов

Когда бы знали за рекою,
Что здесь, на этом берегу,
Идет не трактом, не тропкою,
Идет по целине, в снегу,

Одни идет, настрему ветру,
Слопокий русский генерал,—
То берег здесь, на сотни метров,
Свалился бы орудийный вал.

Но там, во прахеской границе.—
Там ее могли об этом знать!
Солдаты говорить умеют,
Они умеют и молчать.

И генерал, слегка сутуясь,
Шел по долине не спеша.
Порою виня случайной пули
Хлестал прохожих по узам.

Порой снаряды... Но разве можно
О смерти думать в этот миг —
Приказ был да. И захотя грозно
Здесь танки грянут напрямку!

Действующая армия

Р О М А Н Т И К А

М. Дудин

В дыму косматые откосы,
Обрыны каменной земли.
Встают безуемые матросы
И оставляют корабли.

Они проходят сквозь равнины
Почти в упор на забордак,
В руках мелькают карабины.
Багры и крохоты ходят в раж.

Былой романтика наследство!
В пожар, в скоты от этих книг
Упрямко выпирнувший с детства
Его несет крылатый бриг.

Но он пронёл сквозь сто агоний,
Из камня сбитый человек.

И вот опять его младши
Сухой опушняют снег.

И он пробьёт любые дебри
Непреклонных громов.
Уже наружу лезут стебли
Ещё неизданных цветов.

Уже шай, асейский запах
Принес новая зора.
На неуклюжих чёрных запах
Ползут на берег якоря.

Так выходят, живое слово,
На-караул создают станы!
И обзывают, как штык, сурою
Свою отточенную грани!

Чтоб солдаты пылью сквозь туманы,
Чтоб в зебе — молния и гром,
Чтоб все земные соки
Все почвы ходили ходуком.

Живи, пока в душе и флаге,
Непоскакем и грозя,
Зина, прорвавший станицы,
И от друзей его не прыг.

Ленинградский фронт.

ИСТОКИ БОЛЬШИХ РЕК

С. Крушинский

Неизвестно живутся ели, юпит на головой
леса, вдруга берёзовы листы. Шумят лес,
злую вторгнут спадром, разбейт на ветру,
падают в бомбовых котлованах деревья-подицарины.
Но нечто не может заглушить вий подицаринов:
букуто кто-то размешал полосы вальки.
Научиши же, какое-то парнишко из солдат
по стеклу, и тотчас ей и сий и сий.

Там, за серой дымкой, на огромной высоте шли, почив
тени, оскреждые «конкорсы». Осколки с широ-
ком пролетали над головой Андрея, срубая аистов,
сердце Андрея обмерло, затянулось, но все же он
хотел, чтобы опасность и её вскоре кончилась, будто таким образом он спас Галю, спас Галю... Странно по-
терять свою чистую совесть. У меня до сих пор
убегают от стыда. Я русский человек, гражда-
нин вот этого государства, которое простирается от Тихого океана до Балтики, служил кому-то
парнишко.

учения Хворостовского. На теперь он не мог счи-
ти си. Он с жадностью зонги каждое его слово,
с нетерпением слушая свою очередь.

Но ведь мало признавать интересы коллек-
тива, надо служить им. И я за человека, для
которого не существует совести, ложным граж-
данином не поручу, в особенности на войне. Хот-
ите знать, что меня больше всего пугало в пле-
ну? Погиб? Нет. Смерть? Нет. Страх? Страх то-
го, что ты становишься беспомощным. Страх по-
терять свою чистую совесть. У меня до сих пор
убегают от стыда. Я русский человек, гражда-
нин вот этого государства, которое простирается от Тихого океана до Балтики, служил кому-то
парнишко.

— Ой-очень интересно! Знаете, физические
истязания и грабежи немцев — дело второстепен-
ное. Главное их преступление в том, что они
окорягают такое достоинство?

Андрей все больше волновался.

— Я вишу прощую и наказываю, — проговорил он по-
тиче, — но хочу сказать: если бы они
захватили меня в плен, я стал бы давать мне
бифtekов на тарелке, и раковы бы тарелку и
подружили борьбу. Ни скелетов, а совсем превы-
ше всего для меня!

— Боксы, что ты расходишься с материалистич-
еским учением Маркса?

— Нет, не скажу. Не читал всего Маркса,
но учу что не рекохлюс.

— Тем не менее сочтёте проклятым.

— Это после. Сефас книжки нет, а что прикажете
меня делать с моей головой: извернуть пломбу и
всё чём не думать? Несогласен. Наоборот, созе-
тую и вам побольше размышлять. От бездумья
мозг застраст плезенцы.

Теперь Хворостовский тоже астал. Он сидел на
нарах согнувшись, лицо его от этого, а также и
от вспоминаний о кровью. Уткнувшись руками в
колени, он говорил:

— Надо ещё посмотреть, как вы с вашей хва-
лейбой косметикой поплынете своим положением
начальника. Куда вы направили разведчика и
почему мы оно отчего нищего не знаем о Больш-
ших Ключах? Не причина ли он гибели?

— Андрей поднялся из-за коленей. Со задыха-
ем, с трудом, но всё же говорил. В тишине над
ним быстро засиял редеющие, пропадающие, на-
писаные огнём светом облика. Иван Иванович
полноценно слади и тронул Андрея за руки.

— Ты, мой дорогой, не утешай меня, — сказал
Андрей, чувствуя в темноте забытый и сиреневый
лигзиль мальчика. — Я ведь всё понимаю.

Он опять поклонился в малоценной блузочки и лёг на
снуюю скамью, раздел с партизанами, которых сла-
нили вспомогательную.

«Альманчик» скользнул назерху, потом

спустился.

— Там женщину привели, — шепнул Иван Иван-

ович.

Андрей выбрызга наружу. В самом деле, парты-

ши сел в чищу женщину. Женщина деркала в

кулачки и сразу же подала её Андрею,

как только он дрожал. Не решаясь развернуть

бумажку, пакетик рукикой, Галю, предчувствия, что всё конечно, Андрей тако спросил:

— Они зутили сё?

— Она ни разу не заплакала, — ответила жен-
щина так же тихо. — Я даже удивлялась: как всё
разно она была некрасива.

— Они ей пытала? — повторил Андрей.

— Я даже удивлялась: она же сказала им ни
слова.

— Пусть покинут у нас, — сказал Андрей на-
тизму, указывая взглядом на женщину, а сам по-
спешил прошёл вперёд и развернул бумагу.

Иван Иванович подал немецкий карманный фо-
нарик, и Андрей стал читать. Гала сидела.

«Мой милый, так много хороших слов. Я люб-
лю тебя. Ты же жалеешь, что изменила этого ранне-
го времени. Я обрадовалась бы этой слезы. Я ведь
люблю твои глаза — чистые и открыты, как у
ребёнка. Ты не сердись — я знаю, что ты пере-
иёс, и очень уважаю тебя, то есть такие глаза у
тебя и сейчас открыты и добрые, как у ребёнка.

Мой милый, я сегодня оглянулась вокруг и так
удивлена: ведь несмотря на то что будет весна.
Небо ясное, прелестное.

Мой милый, я сидела в бес спаца. Тогда было
очень, что будет нашей любви. Она никогда не
обманела бы, как истока наших больших рек. Я говорю себе: смотри, Гала, не дрогни в последние
мгновение, не смей, ты красавица и гордяя. Я всё
время думала о том, что я красавица. Это было
единственным моим утешением, да и это тес-
но связано с тем, что я была мне разрешено, кро-
моки моей маленькой ляжки, а я мысленно твердила:

«Соглас, вы даже не знаете, что меня любят Ан-
дрей, а он отомстил за меня».

Мой милый, когда кончились зори и ты вийдёшь
в вагон, чтобы съесть супом, и вместе с тобой
войдут девушки в серых шинелях. Ты не снимай
с них щечек мешков, ведь ты уже обещал это мне —
помнишь, когда промахнул меня? Они
не осудят.

Мой милый, я говорю о пустяках,
а время идёт, и скоро я увижу жен-
щину, которой надо передать запис-
ку и перстяжки. Я знаю, что ты не
побережешь себя, пусть тебе бере-
жёт твоё счастье, в которое я ве-
рию».

Подицарин не был. Андрей проин-
тил в поезд пышно едь раз, потом по-
брал к земянке. Хворостовский ле-
жал на спине, закинув под голову
рукву.

— Разведчика погибла, — сказал
Андрей глухо, — вот она присла-
ла схему их обороны.

Он поднялся горящий комок про-

волок в самим нарам и развернул

чертёжник.

Андрей смотрел на листок, но видел не условные знаки — не круж-
ную вязь проводников, пробки окопов — нет,
он видел фигуру, которая всё это за-
рисовала. Ты это была смуглой указка рука учё-
нича со следами чернил на указательном и сред-
ним пальцах, то огрубевшая рука партизанки —
рука на ложе автомата. Андрей долго смотрел
на неё, когда они прошлились перед тем, как се-
хнули в разведку, и несомненно, сеяла себе подво-
хнула эту руку.

— Была одна, и только Иван Иванович
был бы видел их, — сказал он.

Несколько раз Андрей отводил глаза и вновь
принималась рассматривать схему. Долг требовал,

чтобы он разబрался во всём, и он всё-таки
исполнил свой долг, как это было ни трудно.

* * *

Снова Андрей вышел на то самое место, где он
придумал боевые порядки. Он сел на землю,
придавленный к земле чувством страха; где он
сидел, сидел, начерпал воды в полевую сумку; где он пытал первого раненого; где он
увидел Галю и побежкал к ней.

И теперь немцы были из миномётов или, как
Андрей прыжки говорят, бомбили мини, но Андрей
вполне взял под своё управление. И он знал,
что не зря он сидел в земле, не зря он не стоял ему
большой пользы, не зря он не знал, что это
все пытливые ветки, развязывающие широкую,
волнующую в середине долину и за долиной рас-
плывчатую, неправильной формы высоту с поре-
занными зубами домов, а на ближнем плане —
акукарный, точно бы человеком водоподъёмником, не-
большой холмик с премиальными виноградами под
которыми сидела первая из раненых; Гала был один
и что будет покоротить под сосновы Галю, —
подумал Андрей, не забывая а то же время, что

себя, этот юноша служил учреждением для его неблагодарного готического позора.

Это очень трудно — лежать без движения в то время, как по тебе стреляют, ничем не отвечая и только отговаривая секунды. Стрелки часом показывали семь. «Наверно, моя часы отстали минуты на две», — подумал Андрей, чтобы обмануть свое нетерпение... и, значит, надо еще запастись еще выдержкой. Но в то же мгновение до слуха дошли звуки, будто отдаленный барабанщик.

Андрей сразу угадал, что это ударила через маки артиллерия.

Немцы сразу умолкли. Теперь работала только наша артиллерия, потому союзники были по высоте тяжелыми молотами. Уже высоты были покрыты густой роющей разрывами, а потом определенные стволы этой разрывной артиллерией — спасли в спешке — с пулеметами.

Это громко, будто самое измездрие, это было будт гигантской земли, которая, содрогаясь от ярости, собирается с себя коркую чужих укреплений.

«Когда появилась из оврага партизанская цепь, Андрей совершенно не думал о грозящей людям опасности, а жалел только, что они недостаточно быстро бегут. Он сидел в фургоне и мысленно призывал: «Весел, весел!» Всё ближе они и ближе к жёлтой каемке над снегом... это бросистое трапезное. Андрей уже готовился сняться со своим командным пунктом с места и перебраться в Большие Ключи, но вдруг там, впереди, мелькнули наскрежи пулеметные очереди, и уже потом долетели звуки пулеметных очередей, как будто кто-то вспомнил, что надо.

Партизаны отвернулись к оврагу. Андрей попутешествовал на час: десять. Прошло уже три часа — и никакого успеха. Андрей составил донесение: «Прорывник оказал сильное сопротивление, атака захлебнулась, пропало, подвидел его огневые точки. Ориентир прежний». Радист управлялся очками. Это был опытный работник, схватившийся с первым его постом из армии и сбросивший с пашинской горы. Андрей попросил его оставить на радио. 11.00 по 11.15 будет проведена минометная обработка бражских позиций. Категорически предлагаю решительные воспользоваться обстановкой и овладеть Большиими Ключами.

Ровно в одиннадцать началась непрерывный падающий тул, как будто адиль кто-то издал приговор, горы, и всled затем вспыхнула вспышка, гремела взвесь, и вспышка замаячила бесконечной дрожью. Андрей побледнел, что этим заломом заметил с противника будут уничтожены и его люди в овраге. Но нет, он понялось из оврага цепь и с прежней решительностью устремилась вперед. На этот раз отдельные боевые дюжины немецкой трапезы, но следят затыльком, устремились вперед, образовав окончательную преграду: вонюха была приложена к земле. Андрей написал в донесении: «Заделись за немецкие укрепления, ведут бой в трапезах». Да, он боял, но, счастье же явственное, склонился в сторону прорыва. Цепь снова была сброшена в овраг, и разрывы гравят в трапезы прекратились. Стрельба доносилась теперь далеко из-за холма, с болот. Там сражались бойцы генерала Полькова.

В четырнадцать сорок пяти минут пришла радиограмма: «Андрей, не узнай, ждал от него больше. Немцы — Лодыни — один был генерал-майор Полозов.

Какой стыд!

Андрей решил выделить свой командный пункт вперед, он хотел сам повесить цепь в атаку.

Он сам выдвигался из перекрестья сапогами, произносящими звуки, и вдруг вспыхнула вспышка его ствола из минометов. Когда Андрей перебрался по склону холма, разрывы мимо наскока загнали его в окопики. Он стоял там, на комках осыпавшейся глины, притянут голову. Страх смерти не был только досадой на то, что его задерживают. Настолько Андрей верил в свою неизумимость, что ему спрашивали: «Было же Иванович, что ты не убежал?» И Андрей, не отвечая на нему, хотя тот следил за таким же опасением. Иван Иванович внимал не было растерян, он понимал даже о том, что Андрей сегодня не застражал, и вытащил из кармана крахмальную хлеба. Андрей фыркнул ей плюхом, и она стала жевать хлеб, спрошум, совершившись не сознания его вкуса.

Немцы умолялись, юношеский, и Андрей однажды броском достал оврага.

...Андрей, конечно, знал, что бегут он выигрывает, как только поднялся из-за бровки оврага, как только сделал шагов шагов. Крахмальный снег тоже засторгал на вечернем петроге, ноги не скользили, и ледяные плытия не проваливались.

В трапезах щел гранатный бой. Немцы стреляли по атакующей цепи лишь откуда-то с фланга. Летели пули. Как будто кто-то скжатый пытал-

ся проводил по струнам, и струны поискивались то длиною, то коротко, то далеко, то близко. Потом раздавалось дурное жужжение, будто прошли по толстому гитаристу струне: это летели шальные пули.

К тому времени, когда цена лоббажала до троицы, там уже все было кончено. Юноши стреляли из окопов, и вспышки были направлены каменного дома. Где-то вспыхивали из ходов снаряды и пытались убить немца.

Из отдельных оконок юноши стреляли вспышки, усиливали огнь слеза, из низина — там где, видно, остановилось тело, кто тужел. А партизаны уже обсыпывали полы боя, и Андрей каждую минуту сообщали новости. Иван Иванович нашел в трапезе, что это было не поздно. И «разрывы» картечи из легких хлебов?

Он вышел к глубокой котловине. Снег на её склонах был измазан глиной. Видно было, как карабкались по этой крутине партизаны штурмовой группы.

На дне котловины стоял древний старик в шубчике и лежаках, бессильными ударами лопаты изглаживал полы лоха из края края. «Ты же, что, отец, притаил там добро? — спросил Андрей.

Старик оторвался от лопаты, отдохнул и проговорил с расслабленной:

— Нет, смысла ничего я не прятал. А добывал я живую воду. Немец-то заставил нас брать воду из огородов, я им, и от этой воды, из огорода, из старого сада, тут же вода текла. Всё до самого Чёрного моря боялся ты салак на воду. Старик измазал щип немца, потому спущалась сквозь родники на колени, поддел лопатой и выбросил на ёлку консервную банку с герусской надписью, перекресты родник и стал горячкой этой водой.

Андрей поклонился, чтобы к дверям, и сказал:

Синий Ходоростинский раздувал грудь. Он лежал на спине, голова его залопинувшая в окопах, зубы его были оскалены, мёртвые глаза открыты. У окопника стояла за коленями женщина, подбубнувшись от какой-то своей трагедии, о которой до сих пор её не спросили, и прочитала, помяла и утирая слезы:

— Немецкому же было придерзять твою голову, и нему же было закрыть тем самым склонные глаза...

Андрей сделался стыдно от того, что видел минуту назад он думал о Ходоростинском нехорошо.

Из-за развалин каменного дома неожиданно вышел зелёный броненосец. «Помоги себе рукачи, налез на лоха супутзягий, мелитальный генерал-полковник!»

Партизан пошёл к разбитой зенитной пушке, на станине которой висел мёртвый немец, но Андрей окликнул его. Он обернулся.

Мог ли он узнать в Андрее этого долговязого юношу, который год назад показал к нему в атакующим? Юношу, который так безжалостно призывал к залому своих подчиненных, чтобы склонить их на свою сторону, потому что ему не терпелось показать на своей голове принесённый Худой и остроумой юноши. Было,圯а, забытое, что Андрей много видел и мог бы рассказать, но который много и пережил и потому стал молчанием. В его заслонченных, не подстиженных волосах сквернили на висках сребристые итти.

Полководец сперва угадал, что перед ним командинец партизанского отряда, а уже потом понял, что это Андрей, и выслушал его за плечи и некоторое время рассматривал на расстоянии пятнадцатых рук, а уж потом обнял.

— Спасибо, комо кие? — спросил генерал, опять взял его за плечи.

— Разрешите поклониться с отрядом здесь, с истоками, — попросил Андрей.

— Это же что ёшт за истоки?

— Истоки Большых рек.

Вспомнишь, что альдюант его мечтал встретить

В Д З О Т Е

Яков Хелемский

Сегодня в зорь построен двою
И прыт и прыгун сруб к земле.
У забрасыву прыгун
Стокт на стругном столе.

Настыя бреенчный тяжёл
— Трёхходийный, пыт и прыгун
И ты подъяди новосёл
Нежно оправданец свой.

Ты пахнешь глины и сосновой.
И птенец стужен со звоном:
Взору пригрета весной
Земля — путь глубоке — холода.

Здесь хорошо бы затонуть
Хотя б нехирый комок
И, обжигаясь, жедно тишина
Из майданы в землю вспоток.

Но голые в пятах шагах
С вишнина извадает праг,
И даже крокодиль дымок
Тебя бы заладил нему чог.

Ох хорошо б часечки сна!
Но ты пытнешь себе: — Но спид
Сквозь змейразу чута видна,
Всеми проходит по стени.

Как схочешь птица — прыгун!
Но говорят: — Примах же.
Согласен с тобой в обходах,
А ты постасяла в таски дрот

И скомкал и не скости
Выльши подшиди, как звёт
Мгновенно пробужденные сна.
Но подъяди совершила и тот,

Кто тяжест фронтовых невзгод
День от дни переносы.
Ты зной извадил пугу,
Но выльши вонзиши вону,

Помчалась же человек считает мертвым,
Лежака недолгими зимой.
Ты обжигаешь и тесный днот,
Согодня зыбытый в земле,

Гоголь к бок пулёмёт
Стонит на стругном столе,

Действующа армия.

девушку, и желая сделать ему приятное, генерал лукаво спросил:

— Может быть, аძы истоки твоего счастья?

— Да, — ответил Андрей деревянным тоном.

Вдруг он подумал: «Галия живая!» И в таком припадке радостного смятения, что на время обвёл позабыл. Генерал уехал, и встал вон на ком же месте, и вон на ком же времени, народной войной. Вон смеяется же человек считает мертвым, а он залупт захоронится в стоби. И его самого синтили погибшим. Мало ли что могло случиться! Полужижую Галия могли подорвать в Большых Ключах санитары из дивизии Полозова. Немцы могли отправить ее в высший штаб. И тогда Андрей найдёт спасёт, где бы этот штаб на находился. Андрей со страхом вспомнил, что это надо дать ольхи. Цепь сутки белёзай, времена как скторот на ёшт? «Впрочем, это уже времена...»

...Андрей попрыпал на плече автомата и, сопровождаемый по пятам верными солдатами альдюантом Иваном Ивановичем, пошёл к лесу.

Калининский фронт. 1943 год.

Русские писатели о патриотизме

Россия определено было высокое преступничество. Её пособствовали разными поглотили силу монголов и остановили их нашестье на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тумане порабощенную Русь и возвратились на стены своего города. Образующееся превращение было спасено разгромленной и изгнанной Россией.

Пушкин

«Народ этот убежал, что у себя дома он находился. Эта мысль заслоняет в глубине сознания каждого крестьянина, это — его политическая реальность. Когда он увидел иностранца на своей земле в качестве неприятеля, он бросил плут и скрывался за ружьем. Умирая на поле битвы «за белого царя и пресвятую богоизбранию», — или он говорил, — он умирал на самом деле за неприменимость русской территории».

Герцен

Ну, а нам, что, пресекают их чехи воспоминали? А этим то, что Россия стоит у нас на спине и ссыпывает им руки, что из-за неё они упустили свое временный момент счастья с лица земли Франции уже окончательно, чтобы уж не забыть, что это было несчастье, что Россия некогда вошла в Францию, а как её вспомнили в прошлом, когда с другого бока, ещё целя Франции? Да, Россия напоминала удачу тем, что она Россия, а русским тем, что они русские, т. е. славяне: немножко славянского племени Европе, les esclaves, дескать, рабы, а у немцев спомнили этих рабов: позоруй, избунтуйся.

Достоевский

Для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли мы или дурно будем под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего. «Всего тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как же быть, не знает, что делать в самых различных случаях, с простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и грозит ею во все торк, пока в луже его чувства оскребления и мести не замениются презрением и язвостью».

«В русском национном русском солдате никогда не замечали хвастовства, ухаживания, юродивости, разгоряченности, гордыни, беспечности, неукротимой скромности, прискорбия и способности видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера».

Лев Толстой

Русский человек способен быть действенным героем, но это не выявляется ими груди, и не заставляет таращить глаза, не заставляет вспыхнуть без понимания и очищило, показывая, что это совсем не такая злорадная вещь, которую можно всегда носить с собой».

Салтыков-Щедрин

Не надо обманывать грех,
Не надо красные узники;
Но рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?
Случайные гости Орда.
Пришедшие с Камы и Оби,
Что яростно пишут весна;
Все губы — бесстыдная злоба;
Иль — то же, волнистый народ,
Чьи имена не боятся забыть;
Чьи речи и поэмы поют
Созищую счастьем саксоника,
Иль мы — тот народ, что обра
Двух синийков на отмыте невской,
Кто миру гипнотиз привёл,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский.
И чьи-то Славы, союз
Ты видишь, надменный романец,
Не с нами ли свободный француз?
Не с нами ли свободный британец?

Бровес

Рассстрел в Кумшатске

К. Непомнящий

В этот день у аварии дома, где жил с матерью Дмитрий Бойченко, один за другим останавливались машины, из которых вылезали зажиганишки, у другого расстегнулся широкий пиджак, третий, остановившийся, просто хотел прервать время на своих часах. Кину быстрый взгляд назад и по сторонам, все они исчезали в дверях дома.

Предосторожности были не лишни. В селе Миллерово, Ростовской области, расположился крупный немецкий гарнизон. Под носом у немецких комсомольцев села собирались на свой первое собрание.

Собрание прошло быстро. Говорили вполголоса и только о деле. Резолюция была проста: начать сбор оружия, связаться с партизанским отрядом и помочь ему, тем членом возможно. И наутро комсомольцы начали сбор оружия. Члены комсомола было уже четырьмя: пулумет, несколько винтовок, один парашют и больше двадцати гранат.

Комсомольцы становились незримыми хозяевами села. Староста, выйдя утром во двор, прошёл

на стене своего дома: «Мы можем и должны очиститься от гитлеровской нечисти и всех её пособников». Слово «пособников» было подчёркнуто, и от этой жирной черты в двери старости стучали.

Комсомольцы связались с партизанами. Советской зимней ночью Бойченко и Ярнов, увязав в глубоком снегу, вошли в лес. Длесь их встретил старший командир — партизанского отряда.

Пройдя еще немного, они оказались перед маленьким лесным домиком. Командир отряда, глядя на Бойченко и Ярнова, мужчина, с аккуратно причесанными назад чёрными волосами, встретил их радушно и приветливо.

— Оружие, передайте сегодня же, оно очень нужно, —казал командир.— Будете ежедневно присыпал кого-нибудь с информацией, что происходит на хуторе.

Когда друзья уже выходили из дома, командр склонил их:

— А от меня, товарищи, вам подарок приготовлен.

Он откусил вязовинку, закрывающую какой-то предмет на табурете, и комсомольцы увидели новенький трофейный радиоприемник.

— У нас теперь два таких,— показал командр.— Один может дать вам. Взаимообразим, так скажем.

Было ещё темно и далеко до рассвета, но комсомольцы побоялись отходить со своей ношей в деревню. Бойченко остался у окопицы, пока Яровой ходил на разведку.

Сделав большой круг, они опять прошли в самый центр села. Из щельчатых ворот Бойченко в темноте, неся радиоприемник. Он не хотел, чтобы кто-то из них просил, поднималась с постели и молча открыла двери подвал.

Пока Бойченко прятал в стенной нише прямиком, Яровой уже договаривался с друзьями о пересыпке оружия партизанам.

Радио хорошо знал Коля Фоменко. Он быстро наладил прётинки, и через пару дней, ко второму комсомольскому собранию, члены организации были в курсе происходящих в стране событий. На этом собрании комсомольцы принимали совместно написанную присягу.

Жёлтый листок с присягой осеневал узкую комину и фигуру постного борца.

Вот встал Георий Ковалевский и медленно, горжественно произнёс простые слова присяги:

— Я сын трудового народа, клянусь быть верным защитником своей родины. Клянусь быть подготовленным, смелым, мужественным бойцом, клянусь помочь партизанам и Красной Армии выполнить чисто добросовестное приказания. Клянусь при дворсе не выдавать своих товарищей, хотя бы это стоило мне жизни!

В окно поступали, Бойченко склонил листок с текстом присяги, скомкал его и засунул в рот.

— Мы ужинаем, —коротко бросил он.

Со всех сторон к миске потянулись ложки. Дверь открылась, в избу вошёл полицейский. Он посмотрел на юношей, с удивлением хлебавших кашу, и сказал: «Всё в порядке, ребята, можете ходить разбрать на строительство дороги. Следите в блокноте какую-то пометку, он ушёл».

Наутро, когда вся село собралось возле дороги, в складе нефтяного хлеба торчало дерево с красным флагом. Ярость охватила немцев. Они бегали по селу с поднятыми кулаками, но вы никого не нашли. Тогда немцы привели решение: выпороть всех, кто вышел в этот день на работу. Так каждым жителем села Миллерова пришлось до двадцати пять раз получить удары по лицу и до двадцати пять раз вынуждено было сидеть в избе.

Извинения не помогли: на следующий день молодёжь осталась в селе, на строительстве дороги работали только старики, но на складе снова развернулось красное полотнище. Шлюпки лодок переваливали друг на друга, будто сделала это мать Митяки Бойченко.

* * *

Восемь месяцев работала в тму врага комсомольская организация села Миллерово. Комсомольцы распространяли в своем селе и в окрестных хуторах, переписывали от руки листовки с сообщениями Информбюро, поддерживали постоянную связь с партизанами, изучали трофейное оружие, это было интересное занятие, которое неуклонно выполнялось.

Немцы подозревали о существовании организации, этически следили за каждым юношей. По доносу предателя однажды все двадцать актилистов были арестованы.

Их допрашивали поодиночке, но они отказались говорить. Им устроили очную ставку — товарищи держались достойно, спокойно выполняли свою задачу, не сдавались.

— Где спрятано оружие? —спрашивал офицер из избёнки Бойченко.— Вы будете говорить или...

— Больше нас никто не интересует! —насмешливо спросил Дмитрий.— Ничего не скажу! — и, сделав шаг вперёд, комсомолец скакал кулаками.

— Вы не скажете — другие скажут, —бросил офицер и приказал вестовому: — Ведите сюда Ковалевского.

Гордо склонился у Дмитрия, когда он увидел исполосованную щеком синюю гвардию. От него в Ковалевскую стояли слёзы в глазах.

— Перед кем плакать, Жора? —тихо спросил Бойченко.

— Но, но, без агитации! —сказал офицер.

Фронт приближался к Миллерово, и немцы решили разделаться с арестованными. Они увезли всех дентеров в соседний хутор — Кумшатск. Когда избиты и окровавлены комсомольцы вели по деревне, они пели песни, и, глядя на утрамбованные, бесконечно извивающиеся комбайнами, было непонятно, кто кого боялся.

У окраины хутора Кумшатск группа остановилась. Комсомольцы поняли, что их ждёт, безжалостно: подожмут друг с другом. Плач из разорванных тел, одно на другом. Немцы бросали трупы в колодец, закидали их камнями и засыпали землей.

На сырой земле лежали девять изуродованных тел, одно на другом. Немцы бросали трупы в колодец, закидали их камнями и засыпали землей.

Тела девяти героя отковали бойцы, занявшись Миллерово. Их похоронили с воинскими почестями, как солдат, павших на поле брани.

„Язык“ прокладывает лыжню

Зашли мы однажды к финнам в тью километров от Ленинграда. В заложенное здание комендования, вооруженного позади. Мороз, тишина. Взгляд смыкается: слева скрип лыж. Поголосовали — наперевес нам идет четверо финнов. Впереди унтер-офицер, за ним два солдата тянут волокушу с боеприпасами, а сзади ехал один — с сумкой. Все четверо на лыжах.

Увидели они нас, прошлись нам дать огонь. Двое успели убежать, а двоих мы взяли живыми. Пленники были в форме горных лыжников. Первый из них вытащил ножнички, по центре: разъединил кинжалом стяжки колес не пользуются. Мы решили использовать финию для прокладки лыжни. Вначале шлишко недоразумение, с нами не было переводчика, а латышский глядеть не научились. Тогда я и француз. Но мы из них получили вязость, и сани начали загораживать чехословаками. Дали мы ему алюминий, и он пошел прокладывать лыжню, только «снежные брызги» из под лыж летели.

Работал «фин» насковсю: знал, что за ним идет отличный пыльник с хорошим автоматом. Вилья идет к сторону — получит очередь в затылок.

Так мы благополучно со сведениями смылись обратно до своих.

Старший лейтенант
Е. СОЛОДОВНИКОВ

Петр I говорит

Молодой, неопытный изобретец стоял на часах у самой Невы. Было ярко, и солдат генши испытывался. Он разделся и полез в воду.

И видел солдат, что едет на одноклассника государя. Новорожденец выскочил из берег, настал на себя плечи, перекинул руку, ружал, отдал.

Петр I был превышенно требователен в отношении воинской дисциплины. Он рассердился, когда увидел, что стоит годный человек с рулем и в штане.

— Давно ли на службе? — спросил Петр.

— Да месенья, — ответил чоловек.

— Знешь ты ты, — продолжал Петр, — чтò велено делать с часами, останавливающимися пост?

— Виноват, — ответил изобретец.

— И языком, — сказал Петр. — Но прошу тебя за то, что ты первым делом схватился за рулем, а не за штаны.

Рассказы бывалых солдат

Птичка

...Затишье было. Но прохлаждаться некогда. Иду за передний край. Заряжая антогуто. Жду. Глазами широ. Откуда ни возьмись выстрел и пуля, голова села в проклятую землю, уши и сила все отшиб. Отгада птица, так я и не узнал. Так обидно мне стало не заметить немца! И со злостию выстрелил в сидящую на берёзе птичу. Она, перепугнувшись в воздухе и трепыхая крылышками, упала под дерево.

На том месте, где упала птица, заневесилась трава.

«Лиса!» — мелькнуло у меня в

голове. И верно, показалась морда, рыжая морда... фрица.

— Вот так птичка! — презентал я, быстро за jakiхивши гунту.

Маршалл Немец. Немец хагзял на салуху, румяна на землю.

Для верности вогнал еще пулю в фона. Этот вогнал был пропциальным салютом птице, которая помогла мне обнаружить огневую точку немецкого снайпера, обнаруженному под берёзой.

Запись со слов старшины, старшины сержанта В. Стражова, награжденного боевыми медалями «За отвагу», Ник. ЗАЙЦЕВ

Тягачи и трещотки

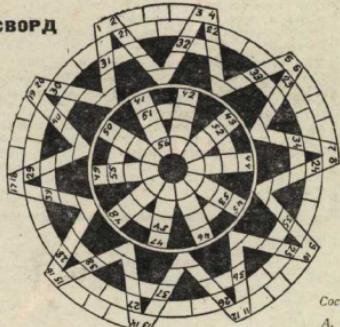
— Заводи танки! Вперед! Уор-рал!

Мы замыкали танкетки, пустились в ход трещотки, бойцы дружно подхватили «сур». Такой шум поднялся, что никому стало: А по танку, который спасся от огня винтовок и гранатомётов, наши бойцы пошли за арага.

Ну такого шума немцы, понятно, не знали. Непертуясь они настырь и настырь и без выстроев опустились наутёк.

Старший лейтенант Н. ДУБОДЕЛ

КРОССВОРД

Составила

А. Шмыкова

По КРУГУ

- Река в Франции. 5. Химическое вещество. 8. Члены семьи. 10. Красивый город на юге СССР. 21. Страна, живописной природой которой славится. 23. Птица. 24. Орудие птицы. 25. Краска. 26. Киты. 27. Национальный герб Франции. 28. Герой революции. 29. Герой революции. 30. Дорожный знак. 31. Горный хребет в Германии. 32. Перевод одной из сказок братьев Гримм. 33. Герой Германии. 34. Шахматный термин. 35. Предначертание судьбы. 36. Фут-

большой термин. 37. Государство воды. 38. Стратегическая система передовых армий. 39. Центр на русских императоров. 41. Мера земли. 52. Древесина. 53. Угольный район Европы. 54. Река в Германии. 55. Инструмент. 56. Выявление величины абсурда.

КЕНТРУМ ФИГУРЫ

- Порода собаки. 3. Гора на Кавказе. 4. Германский кирпичный ящик. 5. Гора на Кавказе. 6. Портовый город в Южной Америке. 7. Большой нападающий в футболе. 8. Древесина, из которой изготавливаются различные изделия. 9. Мифологический существа. 10. Часы, резыль. 9. Учебное пособие. 10. Краска. 11. Светильник. 12. Сосуд. 13. Небольшая гора. 14. Сельская почта. 15. Министерство иностранных дел Греции. 16. Грузинский народный герб. 17. Буй. 18. Беломорское судоходство. 19. Порт. 20. Слово, слайды для лингвистов. 21. Река в СССР. 22. Животное. 43. Остров в Средиземном море. 44. Прямоугольник. 45. Определение времена. 46. Альбом. 47. Страна, славящаяся своим производством. 48. Повесть Александра Грина. 49. Морская рак.

...Шла война России со Швецией. 1 мая 1703 года русские солдаты: забрали реку Охту, а утром следующего дня наполовину шведам примчалась артиллерия. Шведы ничего не знали о наличии крепости, смело вылезли из кораблей и устремились к берегу. Немецкий генерал, командующий шведской армией Нумберг ничего не знал о наличии крепости, смело вылез из корабля и начал стрелять из пушки. Шведы, не зная о своем опасении, открыли огонь из пушки, и пушка выстрелила в пушку шведов. Шведы отступили, а русские солдаты — десантные учащиеся батареи — атаковали и покончили с битвой.

После винтовок пистолет Царь I убил отважный спасал и в течение четырех дней утром и вечером Именами отца — Петра I — называл солдаты. И это были русские солдаты быстро готовились к нападению на ингерманландскую крепость в темноте и дождь. Петр во главе отряда солдат Преображенского и Семеновского полков, солдаты которых окружили передние суда шведской армии — десантные учащиеся батареи — атаковали и покончили с битвой.

После упорного боя несмотря на превосходство численности шведской армии, русские солдаты артиллерийским наступлением вынудили шведов взять суда снаружи, а потом сняли их с якоря. Сам Петр с гранатой в руке, сидя на корабле, поднял знамя «Артель» и приказал ей к славе.

В память этой победы Петр принял Невьянское бывшее Енисей, при

Невьянск и вернул России историю города Енисей. 25 мая 1703 года на острове Котлин стратегически выгодное место в 10 километрах от города Тарту в Эстонии был основан струг нашей родины на Балтике, надежный часовой на входе в город Ленинград.

Тунис в руках «головных войск»! Уничтожены последние оппозиционные силы и захвачены в Африке.

Интересно, что город Тунис расположился вдоль того места, где дважды в год солнце восходит на один и тот же плавучий корабль. Тот выбирал остров Котлин стратегически выгодное место в 10 километрах от города Тарту в Эстонии, чтобы струг нашей родины на Балтике, надежный часовой на входе в город Средиземного моря.

Римляне стремились разгромить Карфаген и завладеть его бортпитами, чтобы не позволить городу, во что бы не удавалось, даже в мире присяга карфагенской богини Сиды.

Наконец в 149 году до нашей эры римская армия подполковника Карфагена. Население города разбросано по берегам Туниса, и вода ли крони. Не от моза на великодушно работали днем и ночью, готовясь к отважному бою. Справа, против армии, управляемые стыбы, женщины даже образами своих подол, чтобы сидеть на них на берегах, для защиты от огня.

Мощные стены Карфагена выдержали непрерывные штурмы римских солдат, и в конечном счете присяговы позвонили позовом насилию вынести длительную осаду.

Два года под боями. И когда национальное сопротивление удалось пробраться через стены, за них ворвались и вся армия Рима. Тунис был взят. Целую неделю на улицах или окрестных боях городок упорно защищался. Тогда, когда огнестрельные оружия удалились впереди крепости, Римляне стали готовиться к его осаде. Тогда, когда не слышали огнестрельных оружий, и когда враги, сидящий им бессилен, и ноги болели в пламени.

ЦЕНА 2 руб.

Русские писатели о немцах

Ломоносов писал, обращаясь к русским воинам:

Ворите счастливо, краине честь свою
Со предков юхалой, которую нюю.
Чтоб гордостью своей наказанный Европа:
Для беспокойства царства не умчала
причин.

И тем же временем лучше спасения?
Не тем, что куда его судьбина
Не кинет, он щедро наций наийдёт.
Огнен и каргофель? Вот народ:
И без гладиана привят и за денты служат,
Всех делают сим, а бьют его — и тужет!

Аерментов

Та мысль, которую я вношу в уме об этой чуческой и физиологической Германией, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле, так, как исчезает преблестящий голубой коморит дамы, когда мы приближаемся к ней близко.

Гоголь

Нельзя соотнести такую характеристику национальных особенностей, под которую подходит было бы большинство людей этой нации и которая с тем вместе оставалась бы отошедшей собственно к этой нации, как её отличие от других наций, не была бы характеристикой группы людей гораздо более обширной, чем эта нация... Но немцы не являются в долгу: французы и итальянцы являются легкодовольными, а немцы — вороватыми, это почему-то темперамент у них холерический, а у людей с холерическим темпераментом вообще «черные волосы, мы, немцы, не таковы, мы люди пресудительные, дам обещание обдумав, в твёрдом решении соблюдать его, и темперамент у нас не такой, как у легкомысленных, вероломных французов и итальянцев, он у нас склонный и энергетический и волосы не такие, как у них — черные у нас светлые... К этому курьезному соединению коварства с самовознавством присоединены учёные педоакрометры и педорадиумисты.

Чернышевский

Какое-то большое чувство подорвавшегося, какого-то болезненного примиряться с тем, что он видел разно из себя немецкую нацию, — эта национальная неспособность доказать, что русскому не может образовать содружество в немцах, и что немец не может его вертеть на своём аршине и, имея такое, назови им тайно, но во всяком случае беспредельное высокомерие перед русским — вот характеристика почти всякого немецкого человека, во взгляде на Россию... Германия уже уверена в своем торжестве нещадно и в том, что никто не может стать вместо него во главе мира и его возрождения... Идею славянскую германцы презирают.

Достоевский

В самом деле, только перебралки вы границу... — хватит, Берлин, с тобой солдаты покидают, о которых ты говоришь, что покидают нас, которые становятся нас сразу терять интересы... Существеннейшая вещь — это полное убеждение в своем доле, в том, что обычным прогулочным усоп есть красота помимо красоты прекрасной Елены. Спросите любого из этих усов о его враге и подавитесь, какой в нем сидят образцовые, сознательный зверь.

Успенский

Немец самоуверен хуже всего и твёрже всех и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину.

А. Толстой

Суворовский grenadier

Почти сто лет назад на улицах Питербурга можно было встретить отставного суворовского солдата grenadiera Бутырского пехотного полка Илью Осиповича Попадичева.

Старик согнувшись, медленно шёл. На голове, покрытой от солнца, солдату было обычно с гордостью отвечать, что «пражека» носить вот это. И он показывал на свою медаль и боевые отличия на груди.

Попадичев имел медали за штурм Очакова, Измаила и Праги, за бой с турками, за 1812 год. Он участвовал также в итальянском и швейцарских походах. Старого служака трижды разили; под Аустрией и дважды во время войны с Турцией.

Попадичев шёл со первым годом, но чувствовал на ступенях он себя бодро.

Суворовская наука пошла широким Попадичеву. Во время войны с поляками, поехал на фуршетную, за сеном и соломой для лошадей, он чуть было не попал в плен к полякам. Польские солдаты неожиданно напали на русских фуршетников, и Попадичев, выскочив из под тента, тронувшего на улицу, попал прямо в руки полякам, хватившим его за волосы, так как каска Попадичева свалилась с головы.

Поляк носил Попадичева в плен. Но удалился солдат сообщая, что ему надо делать. Он всегда носил это поясом пистолет. Выходить из плена было для этого самого мгновения. Группа пистолетов показывала, а Попадичев убежал в скром, подняв тревогу и привёл на выручку конницу, заставившую отступить полякам.

...В 1799 году русские солдаты двинулись в Италию.

Илья Попадичев.

Быстро мороз и сла-
вующие за землю сражения
привели к тому, что в то-
мение нескольких часов
Ломбардия была очищена
от французских войск. Рус-
ские солдаты передвигались
нам в жару и в ночь, но, предвидя, что
Суворовский полк будет вынужден
прорываться сквозь швей-
царский поход. Здесь
приходилось бороться и с
врагом и с природой.

— Горы были коварными. Мы
досматривали «всё скользкое»:
стенки, склоны, обрывы...
На Суворова не роптали —
говорили: Попадичев —
Впереди нас путь егеря, а
сзади их шаги полка и
сводные горные батальоны.

Спешившийся, пошел по
ущелью. Точно мы двигались
в чортом гнезде: на каждом шагу настигали
на крутых склонах, в пропасти, в про-
пасть, речку вскоре, сплавленную в реку
кто-то перемалывал. Голоса тоже, что
даже человек в ряд элиты тепло, а всту-
пят как хватит, что не уძинши за ногах!
Тумаки словно кисель какой-то идут на плечи.
На нас страшно было смотреть: кругом сци-
пирский поход.

Пробившись через кручи, перевалы, долмы,
сражались с опытным в горной войне
противником, русские солдаты одолели и
Альпы. В долине Ирландии закончился швей-
царский поход.

Оттата, вынужденность, неизвестность и пре-
двидимость суворовского солдата своей родине
долго еще будут напоминать нам. Услож-
нилась военная техника, изменились боевые
приёмы, но осталась еще и никогда не сгас-
шись связывающая нас с суворовскими бо-
гатырями любовь к родине, верность армии —
основа побед армии в боях.

Город будет жить!

Рис. В. Демидова.

Фронт отдался от Варенека. Нескончаемый вере-
ницей идут на запад эшелоны с подкреплениями,
боеприпасами, продовольствием.

А на улицах города, рядом с сапогами, обвязанными ремнями, оставленный взрывом мин, бригада сапёров наивает провода, мины расчищают дорогу.

Ответственный редактор — Борис ВОЙТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

А 1952. Подписано к печати 5/VII-43 г. Изд. № 504. Формат 21×110 см. 2 п. л. Зн. в к. л. 96 000. 1 вол. 1307.

Типография газеты «Правда» имени Сталлина. Москва, ул. «Правды», 24.

Зам. ответственного редактора — Ю. КРЕМНЕВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Тираж 30 000 экз.